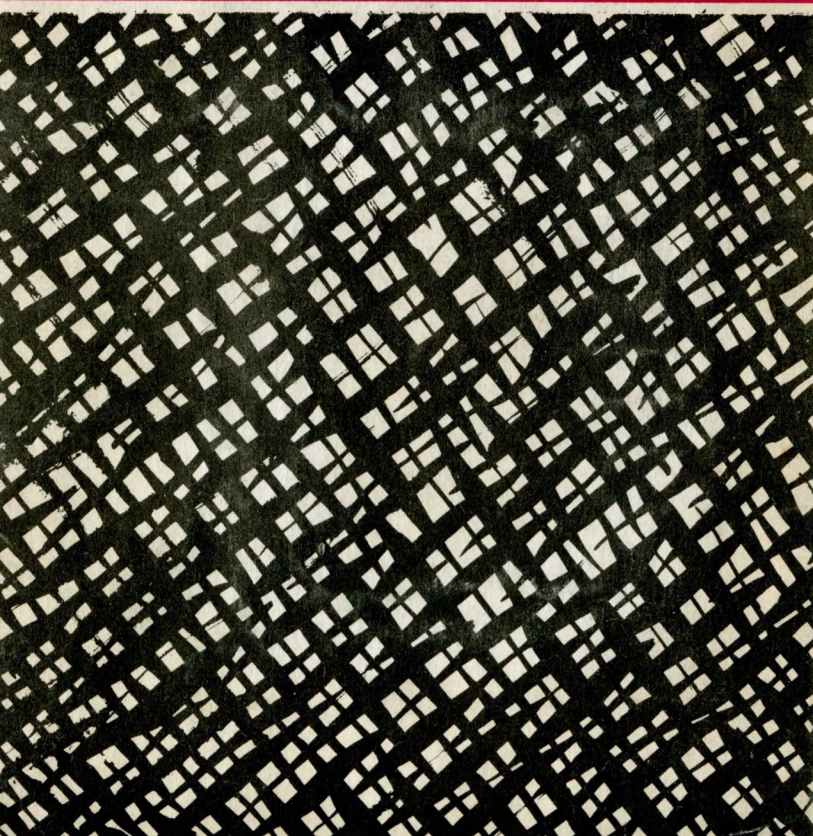


Е. КНИПОВИЧ

РОМАНЫ А. ФАДЕЕВА

„РАЗГРОМ“
и
„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“







Е. КНИПОВИЧ

РОМАНЫ А. ФАДЕЕВА

«РАЗГРОМ⁶⁶
И
МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ⁶⁶»

Издание второе



Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1978

8P2
K53

Оформление художника
И. ВАСИЛЬЕВОЙ

7-2-3
243-73

ПОНЯТОЕ ВРЕМЯ

В феврале 1949 года, выступая в Париже на встрече с французскими читателями, Фадеев рассказал им о том, «как начала создаваться советская литература».

Рассказ этот автобиографичен в своем начале: «Я принадлежу к тому поколению демократической интеллигенции, которое было еще в поре ранней юности, когда произошла Великая Октябрьская революция в России...

Нам нужно было выбирать, на чью сторону стать. Выбирать нужно было потому, что этого требовала совесть. Выбирать нужно было и потому, что людей, не ставших на ту или другую сторону, били и с той и с другой стороны.

Нам нетрудно было выбрать. Мы учились на медные деньги своих родителей. Мой отец и мать, фельдшер и фельдшерица в глухой деревне, еще сами обрабатывали землю. Таковы были и мои немногочисленные товарищи по школе. Жизнь рабочих и крестьян была нам близка.

Так, полные юношеских надежд, с томиком Максима Горького и Некрасова в школьном ранце, мы вступили в революцию... Как писатель, своим рождением я обязан этому времени.

Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка.

Я впервые познал, что за люди идут во главе наро-

да. И я понял, что это такие же люди, как и все, но это лучшие сыновья и дочери народа. Если бы народ не нашел их в своей среде, он навсегда остался бы прозябать в нищете и несправии»¹.

Дальше А. Фадеев говорил о том, что вернувшиеся с полей гражданской войны зачинатели советской литературы сами удивлялись, как схожи их биографии при разности индивидуальных судеб.

В этой связи он назвал в своей речи Д. Фурманова, М. Шолохова, Н. Островского. Но любой осведомленный читатель может добавить к ним имена большинства классиков наших. Из фронтовой газеты явился в литературу К. Федин, «прошел битвы гражданской войны» Н. Тихонов, из рядов Красной Армии возвратились И. Бабель и Вс. Вишневский, из партизанских отрядов Сибири — Всеволод Иванов.

Многие из тех, кто восстал в ту пору за свою народную власть, не всегда могли разобраться в огромном и пестром потоке впечатлений, не каждый был способен сразу определить те факты и события, в которых выражалась самая сущность исторических процессов. Не вся литература о гражданской войне в равной мере выдержала испытание временем, и не все герои книг, написанных тогда, до сих пор активно «вторгаются в жизнь».

Конечно, творческий метод литературы социалистического реализма формировался и в таких замечательных произведениях советской прозы, как «Города и годы» К. Федина, «Партизанские повести» Всеволода Иванова, «Падение Даяра» Александра Малышкина. И все-таки судьба этих книг иная, чем, например, судьба повести Дмитрия Фурманова «Чапаев» или романа А. Фадеева «Разгром».

Книгу Д. Фурманова не только берут в руки все новые и новые поколения советских людей. «Чапай», заживший своей, самостоятельной жизнью уже на страницах повести, перешагнул из нее в гениальном фильме Васильевых на экраны кино, а потом уже и пошел воевать по всему свету. Игра в «Чапаева» воспитывала самоотверженность, бесстрашие тех советских мальчи-

¹ А. Фадеев, Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4, Гослитиздат, М. 1959—1961, стр. 524. (В дальнейшем все цитаты из А. Фадеева, кроме особо оговоренных, даются по этому изданию.)

обычные
рельсы
вызмеив,—

то в вечер после победы

Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

Впереди предстояли годы великих трудов и жесточайшей борьбы за построение социализма — и все-таки прав был Маяковский: с этой ночи при социализме стали жить миллионы людей.

Процесс формирования человека социалистического общества начался вместе с началом построения первого в мире социалистического государства. Представитель трудовых масс, активно участвовавший в творчестве истории, уже и тогда нес в себе черты человека социализма, как завязь несет в себе плод. И именно это, пожалуй, с наибольшей остротой из всех советских писателей увидел и изобразил двадцатипятилетний автор «Разгрома».

Тема формирования характера нового человека стала основной, определяющей темой всего творчества А. Фадеева. Она разработана по-разному во всех трех его романах — в «Разгроме», «Последнем из Удэге», «Молодой гвардии».

Над романом «Разгром» А. Фадеев работал в течение трех лет (с 1924 по 1927 год). В Краснодаре и Ростове, где он в ту пору находился, он читал главы своего произведения и в писательской и в рабочей аудитории. Отдельные главы романа печатались в ростовском журнале «Лава», затем в Москве — в «Октябре» и «Молодой гвардии». «Разгром» впервые вышел отдельным изданием в 1927 году в издательстве «Прибой»; с тех пор он стал любимейшей книгой, учебником жизни для нескольких поколений советских людей.

Когда «Разгром» вышел в свет, критика наша много писала о «толстовском начале» в творческом методе автора. Сам Фадеев, рассказывая литкружковцам Московского района о своем творческом опыте, уточнил это бесспорное наблюдение исследователей. «Критики, как

вам известно, отмечали, что на произведении «Разгром» сказалось влияние крупнейшего русского писателя Льва Толстого. Отчасти это верно, отчасти нет. Это неверно в том смысле, что в этом произведении нет и следа толстовского мировоззрения. Но Толстой всегда пленял меня живостью и правдивостью своих художественных образов, большой конкретностью, чувственной осязаемостью изображаемого и очень большой простотой. Работая над произведением «Разгром», я в иных местах в ритме фразы, в построении ее невольно воспринял некоторые характерные черты языка Толстого»¹.

Думаю, что объяснение, данное здесь Фадеевым, несколько поверхностно и не совсем точно.

Уже в «Разгроме» чувствуется гораздо более глубокое и плодотворное освоение некоторых творческих принципов величайшего художника-реалиста нашей литературы. В «Разгроме» от Толстого идет прежде всего то беспощадное стремление «добраться» до самой сущности человеческого характера, раскрыть те его основные, определяющие черты, которые в жизни бывают затемнены ложной мотивировкой их проявлений или пышной «системой фраз».

Вспоминая в связи с появлением «Разгрома» о традициях толстовского реализма, критики наши были правы. Но еще более прав был покойный М. Серебрянский, который через десять лет после появления романа впервые сказал о тесной связи «Разгрома» с идейно-художественными основами творчества М. Горького². С тех пор вопрос этот был разработан в ряде монографий и статей, посвященных творчеству А. Фадеева.

«Горьковская прививка» по-разному сказалась на творчестве многих старших мастеров — классиков нашей литературы. Далеко не всегда речь может идти о прямой учебе или заимствовании «ритма фраз», приемов построения образа. Здесь, как и всегда, «старший» чаще лишь открывает «младшему» глаза на него самого, помогает ему понять, в чем его сила. И в этом смысле влияние Горького на молодого автора «Разгрома» было очень глубоким и определяющим.

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 105.

² См.: М. Серебрянский, Литературные очерки, «Советский писатель», М. 1948.

Горький — зачинатель литературы социалистического реализма — впервые в русской и мировой литературе показал черты всемирно-исторического величия в характере и деятельности рядовых тружеников. Он взглянул на труженика в капиталистическом обществе, угнетенного и несправедливого, не как на объект для жалости и сострадания, а как на рядового «великой армии труда», чьими руками созданы все ценности человеческой цивилизации, как на носителя самых прекрасных и могучих сил, способных изменить общественное устройство и дать трудящимся массам все человеческие права. Горький не прикрашивал своих героев. Загнанный эксплуататорами в звериный угол бытия, обреченный на нечеловеческие условия существования, рядовой человек труда нес на себе сотни «родимых пятен» прошлого. Но это были именно родимые пятна, «скверна», от которой человек очищается в борьбе против тех, кто отнял у него человеческие права и человеческую жизнь. И в этой борьбе — как золото в огне — становились видимы те коренные и прекрасные черты, которые веками зрели в среде трудового народа.

В творчестве Горького были впервые подняты важнейшие темы советской литературы — тема всемирно-исторического подвига великой армии рядовых людей труда и тема революционного сознания, которое, пробудившись, заново создает человека. «Горький первый из классиков России, — говорил в 1947 году А. Фадеев, — сумел с исторически верных позиций изобразить того героя, который был передовым и действенным началом новой истории. Именно поэтому Горький стоит на рубеже между литературой дооктябрьской и советской и является родоначальником советской литературы. Он своей сильной рукой как бы принял от старых гуманистов их знамя и передал его в руки нам, но оно, это знамя, как бы преобразилось, стало уже иным»¹.

В героях книг Фурманова, Ссрафимовича, Фадеева и воплощено «действенное начало новой истории» — каким оно было в первые годы существования Советской власти.

Как же решается основная для всего творчества А. Фадеева тема формирования нового человека в романе «Разгром»?

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 464.

Ленин неоднократно высмеивал меньшевистскую идейку, будто социализм можно «подать на блюдечке», сразу, ввести в готовом виде. Человек социализма также не мог появиться в готовом виде. Он формировался и рос в ходе жестокой, острой классовой борьбы и гражданской войны.

«Какие основные мысли романа «Разгром»? — говорил А. Фадеев в статье «Мой литературный опыт — начинающему автору». — Я могу их определить так. Первая и основная мысль: в гражданской войне происходит отбор человеческого материала, все враждебное сметается революцией, все неспособное к настоящей революционной борьбе, случайно попавшее в лагерь революции отсеивается, а все поднявшееся из подлинных корней революции, из миллионных масс народа, закаляется, растет, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей.

Эта переделка может происходить успешно потому, что революцией руководят передовые представители рабочего класса — коммунисты, которые ясно видят цель движения и которые ведут за собой более отсталых и помогают им перевоспитываться.

Так я могу определить общую тему романа»¹.

Историческую активность масс, проявившуюся в годы революции и гражданской войны, некоторые писатели первой поры существования нашей литературы восприняли лишь как разрушение *старого* мира. Фадеев понял и изобразил эту активность прежде всего как творчество *новых* общественных отношений, в процессе которого в раскрепощенной массе обнаруживаются мощные залежи разума, воли, таланта, инициативы.

Активность революционной массы, «творчество истории» Фадеев уже в «Разгроме» изобразил отнюдь не как стихийный процесс. И этим роман его также отличается от ряда книг о гражданской войне, написанных в двадцатые годы. «Я обратил внимание, — говорил Фадеев в статье «Мой литературный опыт — начинающему автору», — что в повестях о партизанском движении последнее изображалось как чисто стихийное движение, как самостоятельное крестьянское движение, при очень слабом влиянии города и рабочих. Но на своем опыте партизанской борьбы я видел, что при больших элемен-

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 103.

тах стихийности в партизанском движении решающую, организационную роль играли в нем большевики-рабочие. Эту мысль в опровержение того, что было написано о партизанском движении другими, мне хотелось подчеркнуть в романе «Разгром»¹.

Именно партийность всего творчества Фадеева определяет то прославление, ту поэтизацию сознательного и организованного творчества истории в годы революции и гражданской войны, которые заключены в «Разгроме».

Той же партийностью творчества определяется и воинствующая, полемическая «депоэтизация» стихийности, также заключенная в творчестве Фадеева.

Вопрос о «стихийности» и «сознательности» революционной борьбы был чрезвычайно важным для всей молодой советской литературы. Он был тесно связан с правильным пониманием тех новых отношений между личностью и обществом, которые возникли после крушения буржуазно-помещичьего строя.

Проявления «стихийности» в действиях революционной массы были более броскими и наглядными, сильнее действовали на воображение многих молодых и темпераментных художников. Этим и объясняется то восхищение «сомнительными подвигами мелкобуржуазного своеволия»², которое, порой даже против воли самих авторов, несомненно, звучало в некоторых ранних рассказах Лавренева, в «Повольниках» Яковлева и т. д.

Поэзия, размах, всемирность массового движения, отраженные в живых и волнующих образах,— вот в чем заключался вклад этих художников в сокровищницу молодой советской литературы. Но достоинства этих книг не должны заслонять от нас подвига писателей-коммунистов, запечатлевших в книгах своих высокую поэзию и героизм сознательного, организующего начала в творчестве истории.

Конечно же, и коммунист Пеклеванов, и хромой комиссар Павел Рахлеев в произведениях Вс. Иванова, Л. Леонова нарисованы со всем уважением к той «силе организации», носителями которой они являются. Порой даже кажется, что они не столько люди, сколько «носи-

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 103.

² В. Перцов, Писатель и новая действительность, «Советский писатель», М. 1961, стр. 14.

тели», что они созданы по иному образу и подобию, чем революционные массы.

Поэтическая сила героев «Разгрома» заключается в том, что они обычные люди. Но революция вобрала их в себя, мобилизовала их целиком, стала их судьбой, всем в их судьбе — любовью, творчеством, дружбой, борьбой, трудом.

Носителями «силы организации» выступают в «Разгроме» профессиональные революционеры — такие, как командир отряда Левинсон, врач отряда Сташинский, или кадровые пролетарии — командир взвода шахтеров, «угольного племени», Дубов, подрывник Гончаренко. Бакланов — девятнадцатилетний помощник Левинсона, один из самых обаятельных образов романа — как бы воплощает в себе ту тему «преемственности поколений» и великих революционных традиций, которая двадцать лет спустя зазвучит в романе «Молодая гвардия». Что касается «стихийности», то воинствующая «депоэтизация» ее воплощена в образе одного из командиров взвода — Кубрака. И «стихийное» своеволие его выглядит в изображении А. Фадеева отнюдь не красивым и не величественным.

Когда перед решающими событиями Левинсон поднимает отряд по учебной тревоге, «особенно много дезертиров оказалось у Кубрака. Сам Кубрак ездил днем прощаться с родней и до сих пор не протрезвился. Несколько раз он обращался к своему взводу с речью — «могут ли его уважать, если он такой подлец и свинья», — и плакал. И весь отряд видел, что Кубрак пьян».

В том же сознательно сниженном виде показаны и те причины, которые рождают «своеволие» Кубрака, несогласие его с разумными и продуманными планами Левинсона. Кубрак в трудную минуту требует, чтобы шли вперед, на отдых без разведки. Объясняется же эта «лихость» вполне прозаически:

«— А на мое мнение — надо иттить... — не слушая Левинсона и глядя на его ичиги, в четвертый раз повторял Кубрак с тупым упрямством человека, который не желает ничего знать, кроме того, что ему хочется есть».

Развенчивая романтизацию стихийности, Фадеев вместе с тем неустанно стремится передать читателю свое восхищение могучей жизненной силой, «богатырством» трудового народа.

Пастух Метелица в «Разгроме», семья партизан Борисовых, командир отряда Гладких в «Последнем из Удэге», «хозяйственник» директор шахты Валько и «райкомщик» Шульга в «Молодой гвардии» — все эти образы связаны со славными некрасовскими и горьковскими традициями изображения нашего народа — народа-«богатыря», «всему миру работника».

В Метелице, чья «горячая голова не боится больших пространств и не лишена военной сметки», есть что-то «чапаевское», хотя еще не созревшее и поэтому еще недостаточно проявившееся. Метелица — как стрела на взлете. Он всегда готов ринуться в бой, идти на самое опасное дело. Он всегда полон той богатырской жизненной силы и цепкости, которые делают обаяние его неодолимым не только для людей отряда, но и для Левинсона.

Левинсон, как бы олицетворяющий нравственную и интеллектуальную силу революции, любит в Метелице то, чего недостает ему самому, — огромную жизненную силу народа, которая также найдет свое гармоническое развитие в деле построения нового общества.

2

В большинстве героев романа — рядовых людях труда — живут еще разрозненные черты того «прекрасного, доброго и сильного человека», рождения которого так жаждет командир отряда большевик Левинсон.

Черты эти не обнаруживаются непрерывно. У каждого из героев есть свои естественные маленькие интересы, личные слабости, иногда мальчишеские, невинные, как у помощника командира отряда Бакланова, иногда достаточно ядовитые, как у партизана Морозки.

Большинство героев «Разгрома» до конца проявляет возникшие в их сознании после революции социалистические черты лишь в минуты острейших кризисов.

Никогда не упускает из виду конечную цель движения один Левинсон — организатор воли и сознания масс. В деятельности Левинсона — на малом и специфическом плацдарме — Фадеев сумел раскрыть самую сущность большевистского руководства, где организационная сила является вместе с тем и величайшей моральной силой. Дело ведь заключается не только в том, что

Левинсон, обладающий большими знаниями законов исторического развития общества, чем все люди его отряда, должен вести их за собой. Нет, большевик-руководитель, как это и делает Левинсон, сочетает свою инициативу, идущую «сверху», с инициативой «снизу», сознательно, организованно выращивая все те ростки нового, которые пробиваются к жизни, рожденные творческой энергией масс. Левинсон, трезво видя все слабости, недостатки людей отряда, вместе с тем питает величайшее доверие и уважение к этим людям, добровольно вставшим на защиту революции. И доверие это остается даже в самые трудные минуты, когда людские слабости выходят на первый план и руководителю надо брать на себя как бы двойной груз ответственности. «Левинсон глубоко верил в то, что движет этими людьми не только чувство самосохранения, но и другой не менее важный инстинкт, скрытый от поверхностного глаза, не осознанный даже большинством из них, по которому все, что приходится им переносить, даже смерть, оправдано своей конечной целью и без которого никто из них не пошел бы добровольно умирать в Улашинской тайге. Но он знал также, что этот глубокий инстинкт живет в людях под спудом бесконечно маленьких, каждодневных пасуцных потребностей и забот о своей — такой же маленькой, но живой — личности, потому что каждый человек хочет есть и спать, потому что каждый человек слаб. Обремененные повседневной мелочной суетой, чувствуя свою слабость, люди как бы передоверили самую важную свою заботу более сильным, вроде Левинсона, Бакланова, Дубоза, обязав их думать о ней больше, чем о том, что им тоже нужно есть и спать, поручив им напоминать об этом остальным».

Мораль Левинсона проникает в сознание людей отряда, становится живой и действенной силой, которая, в свою очередь, питает Левинсона. В самую трудную минуту спасение отряда «решает» не один Левинсон, чьи силы вычерпаны до дна усталостью, болезнью, сверхчеловеческим напряжением. Бакланов — молодогвардеец 1919 года, смена, не только выросшая, но и заботливо выращенная Левинсоном за короткие месяцы борьбы, — становится нравственной опорой командира, помогает ему найти выход.

В сознании героев «Разгрома» — представителей революционной массы — на глазах у читателя формируется

«социалистический сектор», но из этого не следует, что для художника между героями нет различия. В соответствии с исторической правдой автор показал, что чем выше степень сознательности, дисциплинированности участников движения, тем более надежной опорой движения они являются.

В самые тяжелые дни отступления перед превосходящими силами интервентов и белогвардейцев становится ясным, что отряд, в сущности, держится на взводе Дубова, на «угольном племени» сучанских шахтеров, кадровых рабочих. Но если Дубов, Гончаренко, Сташинский, Бакланов и больше всего сам Левинсон «подтягивают тылы», опираясь на передовых бойцов революции, то все же «левинсоновское начало» действует и во всех других людях отряда.

А. Бушмин в монографии о «Разгроме» справедливо указал на то, что критика наша не уделила должного внимания образу партизана Морозки, не случайно связанного тысячами нитей со всеми основными линиями и основными героями произведения¹.

Мнение А. Бушмина признан правильным сам автор «Разгрома»: «Все, что сказано вами о Морозке и о месте его в романе, сказано впервые, великолепно логически доказано и, конечно, вполне соответствует моему замыслу»².

Думаю, однако, что, несмотря на согласие А. Фадеева, к такому истолкованию места Морозки в «Разгроме», которое дано в работе А. Бушмина, целиком присоединиться трудно. Дело в том, что, как это иногда бывает с исследователями, автор «абсолютизировал» свою верную мысль и, возвращая образу Морозки его права, одновременно неправомерно умалил значение других героев романа и прежде всего Левинсона. Поэтому мне кажется более справедливым мнение другого исследователя творчества Фадеева — В. Озерова, который считает, что нельзя сводить все общественно-философское звучание романа к «раскрытию революционных судеб среднего человека из народа», делать Морозку главным героем, носителем основной темы произведе-

¹ См.: А. Бушмин, Роман А. Фадеева «Разгром», «Советский писатель», Л. 1954, стр. 65-75.

² А. Фадеев, Собр. соч., т. 1, стр. 365.

ния¹. И вместе с тем Морозка действительно связан с этой «главной темой» большим количеством идейно-сюжетных нитей: Морозка — Мечик, мелкобуржуазный интеллигент, эсер, пришедший в отряд со школьной скамьи; Морозка — Варя, его жена, «милосердная сестра» отряда, добрая и гулящая девчонка-откатчица; Морозка — Дубов, командир шахтерского взвода; Морозка — Гончаренко, — во взаимоотношениях со всеми этими столь разными людьми и раскрывается сложный, противоречивый процесс рождения героя, «прекрасного человека» в рядовом и темном человеке труда. Несмотря на сложность и исключительную «разветвленность» всех уже названных отношений и связей, главной остается в романе тема Морозка — Левинсон, потому что именно «левинсоновское начало», непрерывно и часто незаметно воздействующее на Морозку, в конечном счете определяет все изменения в его характере и поступках.

Уже в первой главе романа, так и озаглавленной — «Морозка», раскрываются все связи, столь важные для его дальнейшей судьбы. Здесь и умная власть Левинсона над бесшабашным и бездумным представителем «угольного племени», власть, основанная на том, что командиры умеет задеть самое главное — чувство органической связи бойца с товарищами и общим делом; здесь раскрываются и отношения с Мечиком, которого Морозка спас на поле боя от смерти, хотя спасенный — чистенький городской юноша — сразу не понравился ему; здесь и впервые пробудившаяся в Морозке ревность, — чувство, которого он в отношении жены своей раньше никогда не испытывал.

Сложное воспитание Морозки в естественном течении жизни отряда продолжается из главы в главу.

Морозка — из озорства — крадет дыни с крестьянского баштана и этим чуть не ставит себя вне отряда. Судит его не командир. Изложив на общем сходе «мужиков» и «угольного племени» суть происшедшего, Левинсон «сгас как фитилек, оставив сход в темноте самому решать дело». «Мужики», в общем, снисходительны и сами не рады, что обворованный заварил из-за дынь такую кашу. Но «угольное племя» в лице Дубова настроено настолько свирепо, что Левинсон незаметно,

¹ В. Озеров, Александр Фадеев, «Советский писатель», М. 1960, стр. 98.

«сбоку», должен умерить гнев, который вызвал Морозка — «нечистая кровь, сучанская руда».

Жестокая моральная встряска, пережитая на суде, не проходит для Морозки даром. По природе своей — он «легкий человек». Легко нес тяжелую работу на руднике: «шел старыми, уже выверенными тропами», — в свое время купил сатиновую рубаху, сапоги бутылками и гармонию, чтобы пленять деревенских девушек, крал арбузы и муромские огурцы с баштанов, сидел в участке за болтовню во время стачки на шахте, повоевал на фронте мировой войны, шесть раз был ранен, два раза контужен, уволился вчистую еще до революции. А вернувшись домой, спьяну женился на Варе — откатчице на шахте № 1. В 1918 году, забрав с собой жену, ушел защищать Советы. «Он все делал необдуманно: жизнь казалась ему простой, немудрящей, как кругленький муромский огурец с сучанских баштанов».

И вдруг из-за возникших в его судьбе новых обстоятельств жизнь начинает ставить перед Морозкой ряд действительно сложных вопросов. После кражи дынь Левинсон отдал Морозку на суд товарищей, — Левинсон же «открывает путь» Гончаренке для защиты непутевого бойца.

И бессознательно, подчиняясь «левинсоновскому началу», Морозка, после суда, вдруг ощущает себя частицей великой силы организации, проводником революционной дисциплины. Во время начинающейся паники у переправы, вызванной слухами о наступлении японцев, Морозка сначала, по старой привычке («для смеху»), хочет попугать собравшихся. Однако «он почему-то раздумал и, соскочив с лошади, принялся успокаивать».

— И охота брехать тебе, никаких там японцев нету, — перебил он вконец осатаневшую бабу, — расскажет тоже! «Га-азы пуцают...» Какие там газы? Корейцы, может, солому палили, а ей — га-азы...

Мужики, забыв про бабу, обступили его, — он вдруг почувствовал себя большим, ответственным человеком и, радуясь необычайной своей роли и даже тому, что подавил желание «попугать», до тех пор опровергал и высмеивал рассказы дезертиров, пока окончательно не расколодил собравшихся».

А жизнь продолжает опровергать Морозкино «немудрящее» представление о ней, подкидывая ему все новые и новые сложности.

«Круглыми», простыми были, казалось, и отношения Морозки с женой. В семейную свою жизнь он принес черты грубости и похабства, которые считались на шахте обязательным проявлением «мужского достоинства» в отношениях с женщинами. И Морозку ни в малой мере не коробило то, что Варя живет с кем попало из его товарищей.

Но вот он сразу, каким-то чутьем, заметил еще лишь возникающее, еще, может, непонятное самой Варе ее чувство к Мечику. И тут вдруг тоже оказалось все очень не просто. Морозка, спокойнейшим образом отвошившийся к прежним «изменам» Вари, на этот раз тут же оставил ее, ощутив в ней никак еще не проявившееся в поступках чувство к «чужому». Объяснение с Варей вдруг заставляет Морозку по-новому почувствовать, насколько он связан с ней. И это так и есть, потому что под корою грубости и бездумья в нем живет, пусть не осознанное и неразвившееся, но человеческое чувство к жене.

«...Да ты не кричи! — оборвал он ее. — Не то...

— Ну, что — не то? — сказала она вызывающе. — Может, бить будешь?.. А ну, попробуй, посмотрю я...

Он удивленно приподнял шлетку, словно мысль эта явилась для него неожиданным откровением, и снова опустил.

— Нет, бить я не стану... — сказал неуверенно и с сожалением, будто раздумывая еще, не вздуть ли в самом деле. — Оно и следовало бы, да не привык я бить вашего брата. — В голосе его скользнули незнакомые ей нотки. — Ну, да что ж, живи. Может, барыней будешь... — Он круто повернул и зашагал к бараку, на ходу сбивая плетью цветочные головки.

— Слушай, обожди!.. — крикнула она, вдруг переполняясь жалостью. — Ваня!..

— Не надо мне барских объедков, — сказал он резко. — Пуцай моими пользуются!»

«Личная жизнь, — говорит А. Фадеев «от себя» в «Последнем из Удэге», — есть та же общественная жизнь, но менее осмысленная». Чувство Вари к Мечику по-новому повернуло ее отношения с мужем именно потому, что Мечик — «чужой», из породы тех «чистеньких», которые — по невысказанному, но твердому убеждению Морозки — прикрывают красивыми словами и игрой в

высокие чувства наиболее свирепую и эгоистичную защиту требований своей маленькой личности.

А. Фадеев, художник беспощадно правдивый, не дает ни в одном случае облегченного решения вопроса. О том, чтобы Морозка в повседневной жизни стал одним из тех «сильных», которые ведут отряд за собой,— не может быть и речи. И старые навыки еще будут давать себя знать. После гибели его сердечного друга — жеребчика Мишки, который, по словам автора, был вылитый хозяин — «такие же ясные, зелено-карие глаза, так же приземист и кривоног, так же простовато хитер и блудлив», — Морозка загуляет, все пропьет, будет спьяну брататься с ненавистным ему Мечиком, будет озорничать, вступать в драки. В примирении с Варсёй проявит человеческое и неожиданно нежное, но снова не до конца, снова не прочно.

И все-таки все, как будто мелкие, но «бьющие в одну точку», изменения в сознании, почти незаметно накапливаясь, дают в моменты острейшего кризиса качественный скачок. Морозка ценой жизни спасает отряд от неминуемой гибели, и в эту минуту художник освещает героя как бы двойным светом. Подвиг по-новому раскрывает для читателя все прошлое человека. Становится ясным, что Морозка, грешный, обросший, как коростой, свойствами и навыками, привитыми ему темной, ужасной жизнью в условиях капитализма, был до конца самим собой не в озорстве, грубости и похабстве, а в неистребимом чувстве рабочей солидарности, потому что к революции он пришел через постоянное «сопротивление среде». Главное в прошлом Морозки — это то, что он, желторотый птенец, попавший в участок во время стачки на шахте, не выдал зачинщиков, как его ни старались застрашать власти предержавшие. Главное в прошлом Морозки, что уже в отряде он каждый раз — несмотря на строптивость — обуздывал свое своеволие, когда оно грозило нарушить ту кровную связь, которая соединяет его с партизанами, с рабочей массой.

«Социалистическое начало» в характере Морозки укрепляется под влиянием самой логики борьбы, под воздействием наиболее сознательных людей отряда — Левинсона, Гончаренки, Дубова, — всего шахтерского звзда.

Но зерном, основой этого главного в характере остает-

ся чувство классовой солидарности, которое родилось вместе с началом сознательной жизни героя. В минуту подвига Морозки мы не только по-новому понимаем его прошлое — в эту минуту мы видим осуществление всех заложенных в нем возможностей.

«Разгром» не только продолжает жить в наши дни, но и обогащается временем,— именно потому, что наряду с настоящим в книге присутствует и будущее. В романе Фадеева будущее, мечта стали частью реальной действительности. Утверждение положительных начал и идеалов в нем до конца реалистично. «Разгром» — одна из первых книг нашей литературы, в которой социалистический реализм присутствует не в виде отдельных элементов, а становится самой основой произведения. «Мощные забегают... вперед, чтоб тащить понятое время»¹, — так определил Маяковский задачу советского художника.

Уже создавая «Разгром», Фадеев «понял время», понял, в каком направлении движется история, какие принципы лежат в основе этого движения, какие черты нашего сегодня определяют наше завтра. Потому он и мог «забежать вперед», то есть, оставаясь на почве реальности, увидеть в гражданской войне прежде всего факты нового, социалистического качества, в характере человека — черты, которые необходимы для построения социалистического общества. Черты эти, самая основа, из которой они развиваются, одновременно и индивидуальны для каждого героя, и исторически и социально типичны. Морозку связывает с будущим, с конечной целью движения неистребимое чувство рабочей солидарности. Основа социалистического зерна в характере Метелицы, которая также обнаруживается в минуту предельного напряжения, в последней борьбе, — это богатырская жизненная сила, идущая от народа и бессознательно, «эмоционально» поставленная на службу народу, революции.

Фадеев, как и учитель его — Горький, много думал о природе этой богатырской силы, проявления которой в условиях классового общества нередко были не только бесплодными, но и разрушительными. И если художники начала века, такие, например, как Гамсун или

¹ Владимир Маяковский, Печн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 12, Гослитиздат, М. 1959, стр. 98.

Джек Лондон (писатель, которого Фадеев горячо любил в юности и чье влияние на творчество свое не отрицал), нередко любовались этой силой, как некой сущностью, стоящей над разумом и законами человеческого общежития, — то А. Фадеев вслед за Горьким искал прежде всего тех путей, на которых богатырская сила встречается с разумом истории.

Прямым разоблачением «гамсуновского» понимания жизненной силы как извечной, асоциальной сущности должен был стать несокопченный рассказ Фадеева «Тяжелая болезнь».

В первых набросках «Разгрома» в характере Метелицы намечались черты, близкие героям «гамсуновско-нищенского» типа. Но в процессе работы и осмысления огромного жизненного материала, лежащего в основе романа, эти скорее философско-полемические, чем идущие от жизни мысли, естественно, должны были уйти.

Гибель Морозки и гибель Метелицы в критике нашей справедливо толкуются как торжество абсолютно — в жизни и смерти — единства человека и его дела, как высочайшее проявление «всевластия» социалистической организованности, сознания, воли. Именно это — по мнению автора одной из лучших работ о «Разгроме» В. Перцова — и делает героев романа «человечески понятными и поэтически трогательными»¹. Это, конечно, так. И все же не совсем так.

...Я ж
с небес поэзии
брошаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви,—

говорит Маяковский.

«Поэтически трогательными» делает героев Фадеева то, что «революцией мобилизовано и призвано» все в их характере и судьбе, что на службу революции поставлено в них все, чем богат человек. Подвиг, величайшая мобилизация всех духовных и физических сил человека, раскрывает в Метелице, Морозке, Бакланове не «примат воли», а именно «любовь».

Метелице лишь казалось всегда, что он не любит и даже презирает людей, что их мнение о нем ему без-

¹ В. Перцов, Писатель и новая действительность, стр. 69.

различно. Но вот за мгновение до смерти, выведенный белогвардейцами на площадь, удалой комвзвода вдруг почувствовал, какие нити связывают его с человеческой массой, с людьми, ради которых и для которых он, сам того не замечая, делал все большое и важное в жизни.

«И теперь, когда он вскинул голову, он вдруг не только взглядом, но всем сердцем охватил ту колеблющуюся, пеструю, тихую толпу мужиков, мальчишек, напуганных баб в поневах, девушек в белых и цветных платочках, бойких верховых с чубами, таких раскрашенных, подтянутых и чистеньких, как на лубочной картинке,— их длинные живые тети, плясавшие по мураве, и даже древние церковные купола над ними, облитые жидким солнцем, застывшие в холодном небе.

«Вот это да!» — чуть не воскликнул он, сразу весь распахнувшись, обрадовавшись этому всему — живому, яркому и бедному, что двигалось, дышало и светило вокруг и трепетало в нем. И он быстрее и свободней пошел вперед легким, звериным, не тяготеющим к земле шагом, раскачиваясь гибким телом, и каждый человек на площади обернулся к нему и также почувствовал, затаив дыхание, какая звериная и легкая, как эта поступь, сила живет в его гибком и жадном теле».

И Морозка в ту минуту, когда он из-за предательства трусившего Мечика оказывается лицом к лицу с отрядом белоказаков, не разумом, а сердцем, «любовью», идет на подвиг и смерть.

«Ему жаль было не того, что он умрет сейчас, то есть перестанет чувствовать, страдать и двигаться,— он даже не мог представить себя в таком необычайном и странном положении, потому что в эту минуту он еще жил, страдал и двигался,— но он ясно понял, что *никогда* не увидит ему залитой солнцем деревни и этих близких, дорогих людей, что ехали позади него. Но он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревающих, доверившихся ему людей, что в нем не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя, кроме возможности еще предупредить их об опасности... Он выхватил револьвер и, высоко подняв его над головой, чтобы было слышнее, выстрелил три раза, как было условлено...»

И Бакланов, мгновенно нашедший правильное решение, тоже проявляет в минуту грозившей отряду гибели не только разум, организованность. Опорой Левинсона,

«ведущим» делает его в эти мгновения тоже полная мобилизованность *всего* его человеческого существа, высокая страсть.

Левинсон «беспомощно оглянулся, впервые ища поддержки со стороны, но в том едином, страшном немом вопрошающем лице, в которое слились для него побледневшие и вытянувшиеся лица партизан,— он прочел то же единственное выражение беспомощности и страха. «Вот оно — то, чего я боялся»,— подумал он и сделал такой жест рукой, точно искал и не нашел, за что бы ухватиться...

И вдруг он совершенно отчетливо увидел перед собой простое, мальчишеское, немного даже наивное, но черное и погрубевшее от усталости и дыма лицо Бакланова. Бакланов, держа в одной руке револьвер, а другой крепко вцепившись в лошадиную холку, так что на ней явственно отпечатались его короткие мальчишеские пальцы,— напряженно смотрел в ту сторону, откуда прозвучал залп. И его наивное, скуластое лицо, слегка подавшееся вперед, выжидая приказа, горело той подлинной и величайшей из страстей, во имя которой сгибли лучшие люди из их отряда.

Левинсон вздрогнул и выпрямился, и что-то больно и сладко зазвенело в нем. Вдруг он выхватил шашку и тоже подался вперед с заблестевшими глазами.

— На прорыв, да? — хрипло спросил он у Бакланова, неожиданно подняв шашку над головой, так что она вся засияла на солнце. И каждый партизан, увидев ее, тоже вздрогнул и вытянулся на стременах».

Мобилизация «всего человека» в минуту подвига обнаруживает не только самое глубокое и прекрасное в нем самом, но и связь этого прекрасного с общей силой коллектива, народной массы — творца истории.

Изображение дела, совершенного трудовым *усилием коллектива*, данное в главе «Трясина», еще крепче связывает «Разгром» с великой горьковской традицией. Партизанский отряд, прижатый противниками к трясине, под огнем, неся огромные потери, за несколько часов наводит гать, переправляется и взрывает переправу,— то есть совершает то, что превышает человеческие силы и возможности. И эти — сверхчеловеческие — силы на этот раз стягиваются воедино волей воспитателя и командира.

Эпическая борьба людей со стихией заканчивается в романе эпической же, «былинной» концовкой.

«Тайга лежала перед ними в сверкающем розовом инее. В просветы в деревьях проступали яркие клочки голубого неба — чувствовалось, что там, за лесом, встает солнце. Люди побросали горящие головни, которые они до сих пор несли почему-то в руках, увидели свои красные, изуродованные руки, мокрых, измученных лошадей, дымившихся нежным, тающим паром,— и удивились тому, что они сделали в эту ночь».

«Сильных» и «не сильных», «ведущих» и «ведомых», способных на подвиг в общем строю и в одиночку, Фадеев в «Разгроме», как и во всех своих произведениях, мерит одной мерой.

«Полезно для революции», «на пользу Советской власти» — именно с точки этой высочайшей коммунистической морали определяет автор «доброе и злое» в характерах своих героев.

Здесь лежит и объяснение того, почему автор по-разному относится к «злу», к изъясам, ошибкам, недостаткам в характерах героев из разных социальных слоев. Морозка, Варя, Метелица — по справедливому его суждению — неповинны в тех пороках, которые привиты им капиталистическим обществом.

В жизни большинства простых трудовых людей при капитализме есть много трудного, темного, грешного, и Фадеев, как художник-коммунист, не мерит все это нормами мелкой чистолюйской морали. Все, что не нарушает верности человека революции, народу, не нарушает его связи, его единства с ним,— это зло временное, побеждаемое и изживаемое в процессе революционной борьбы.

Естественно, что тема формирования социалистической личности, борьбы за новый гуманизм связана в творчестве Фадеева с разоблачением мира эксплуататоров, жестокости, лжи и лицемерия буржуазного общества. К этому «злу», ко всем его видам и оттенкам Фадеев беспощаден. Какие бы завуалированные, опосредствованные формы ни принимала уверенность представителей буржуазии в своем праве «жрать вкуснее и больше других», — Фадеев безжалостно разоблачает их. В романе «Разгром» эту «капиталистическую заразу» несет в себе Мечик — так же, как и Морозка, многими нитями связанный со всеми основными героями произведения.

Готовое представление Мечика об овечьих пороховым дымом и славой суровых бойцах, которые с благодарностью встретят его — юного народолюбца, явившегося для свершения великих подвигов, — о богатырских конях, об удалых схватках — все это терпит крушение при первом же столкновении его с реальной действительностью.

Для начала партизаны, по ошибке приняв Мечика за эсеровского шпиона, вздули его. А вместо борзого коня — он, уже после ранения, перейдя в отряд Левинсона, получил жеребую кобылу Зючиху «с продавленной спиной и мякинным брюхом», слезливую, отнюдь не приспособленную для лихой скачки и кавалерийских налетов.

И вместо мужественных напутствий общегероического содержания, даваемых лихим старым командиром, он, начиная свою жизнь в отряде, должен прежде всего усвоить правила ухода за своей кобылой, исходящие к тому же из уст темного и косноязычного Кубрака.

Но самое любопытное заключается в том, что эти, пусть и чрезвычайно коряво изложенные, правила ухода за лошастью, седловки ее, распределения груза и т. д. *действительно* гораздо важнее для начала партизанской жизни, чем самые цветистые напутствия. И Мечик, «принципиально» пропустивший их мимо ушей, тем самым делает первый шаг по пути изоляции себя в жизни отряда. Великое дело защиты революции живет не *над* ежедневной, «прозаической» жизнью, — оно «сращено» с ней тысячью нитей, оно растворено в ней. Именно *через* нее, а не только в непосредственной боевой страде совершается становление характера нового человека. Вот почему характер Морозки, всем нутром связанного с этой жизнью, «обтачивается» именно в повседневных делах, в отношениях с Левинсоном, Гончаренкой, Варей, всеми товарищами по взводу, отряду. Вот почему Мечик, увидев лишь *грубую оболочку* этой жизни и не постигнув ее сущности, не меняется, а только теряет день за днем свое романтическое оперение, пока наконец в минуту острейшего кризиса не обнаруживается вся жалкая его сущность.

Представителям революционной массы и, прежде всего, авангарду этой массы свойственно умение во имя общественных интересов становиться над интересами, даже законными, своей личности. Мечик же спо-

собен лишь имитировать такую самоотверженность. С образом Мечика рождается в творчестве Фадеева та тема «человека имитации», которая в «Молодой гвардии» воплотится в образе Евгения Стаховича — индивидуалиста и эгоиста «образца» сороковых годов нашего века, скрытого под личиной активного деятеля молодежных организаций.

Мечик обладает буржуазно-интеллигентской способностью прикрывать свой эгоизм пышной «системой фраз». И если Левинсон — интеллигент-коммунист, партийный работник — обладает высочайшим свойством человеческого интеллекта — умением «распутывать факты» (Маяковский), находить даже в малых событиях и человеческих побуждениях общий социально-исторический смысл, — то буржуазный интеллигент Мечик может лишь делать черное белым, извращать смысл любых фактов, дабы морально оправдать и возвеличить свой эгоизм.

Ночной разговор Мечика, стоящего в карауле, и Левинсона, проверяющего посты, и раскрывает противоположность их осмысления действительности. Мечик изливает свою скорбь Левинсону из тех же побуждений, что и не очень верующий, но слабый человек, идущий на исповедь к попу. Он хочет взвалить на другого, «сильного по должности» человека всю свою моральную неразбериху, чтобы избавиться от ответственности за нее и перед другими, и перед самой собой.

«Контакта» у командира и бойца не получается, потому что Мечик — внешне покаянно, но внутренне самовлюбленно — требует от Левинсона санкции на свою чуждость бойцам и жизни отряда. Левинсон же, не принимая эгоистического самовозвеличивания Мечика, лежащего в основе его покаяния, пытается объяснить ему, насколько слепо и несправедливо судит он о своих товарищах. Нет, гнева или негодования в отношении юного индивидуалиста Левинсон — руководитель и воспитатель — не испытывает. Он скорее удивлен тем, что ему открылось. И в этом сказывается не ложная снисходительность и не отсутствие должной проницательности, а великое доверие к человеку и к воспитательной силе коллектива, частью которого этот человек является — пусть пока только «физически».

Морозка, который столкнулся с Мечиком на узкой дорожке — в отношениях с Варей, — оценивает Мечика

точнее. Да и Варя под конец начинает понимать, что предмет ее — впервые в жизни — целомудренной и чуть сентиментальной влюбленности — в сущности, существо внутренне черствое и гораздо более грубое, чем ее внешне грубый муж. Единственный из всех людей отряда, Мечик пришел на войну лишь для «усовершенствования» своей маленькой личности и улучшения своей столь же маленькой, комнатной души. Поэтому-то он и презирает своих «грубых» и «некультурных» товарищей, которые по темноте своей не умеют оценить «великодушия» снисходившего до них пародолоубца. И он же — это так свойственно пародолоубцам его типа! — вдруг готов внутренне унизить себя перед Баклаповым. Причем не потому, что Бакланов тверже, дисциплинированнее, мужественнее его, а потому, что Бакланов не кончал гимназии и потому более «народен», чем он, Мечик.

Но как бы Мечик ни возился с собой, возвышая или унижая свою личность, он все время занят только ею, он поставил себя вне жизни отряда, уже до предательства *внутренне* ушел от борьбы с врагом. И те решающие в жизни отряда часы, которые раскрыли самую сущность Левинсона, Бакланова, Дубова, Морозки, показали и цену всех «возвышенных» и «романтических» устремлений Мечика. Он шел в дозоре впереди Морозки. Но если Морозку необходимость предупредить товарищей о грозящей беде привела к единственно возможному решению — сделать это ценою жизни, то Мечик «органически» нашел другой выход. Он быстро скатился с лошади в овраг, предоставив и Морозку и отряд их судьбе. Ценою крови и гибели десятков лучших бойцов, ценою предательства Мечик свою личность спас. И тут пришла трезвость. «Романтик» перестал лгать не только другим, но и себе самому. Красные ли, белые ли — ему, в сущности, все равно, был бы жив он, такой сложный, драгоценный, неповторимый.

3

Когда Фадеев начал писать «Разгром», ему было двадцать три года. Если прикинуть по биографическим данным возраст его героев, то, вероятно, он был в эту пору младше и Левинсона, и Метелицы, и Морозки и лишь на четыре года старше Бакланова. И вместе с

тем книга написана «старшим» по отношению ко всем ее героям, кроме Левинсона. И дело тут не в том или не только в том, конечно, что за три года, прошедших со времени окончания гражданской войны, Фадеев на практической работе приобрел опыт, которого не хватало его героям. Главное тут заключается во внутренней зрелости, в чувстве ответственности за решение общих и великих исторических задач.

Фадеев сам был участником партизанского движения на Дальнем Востоке. В партизанский район он был направлен с путевкой подпольного большевистского райкома. Одновременно, или почти одновременно с ним, туда же явились и некоторые его товарищи по владивостокскому коммерческому училищу, уже прошедшие к тому времени, как и сам Фадеев, первый курс «подпольной партийной работы». Эта группа молодых подпольщиков получила во Владивостоке прозвище «соколят». Наиболее близкими друзьями Фадеева и наиболее активными подпольщиками и бойцами среди «соколят» были Петр Нерезов, Александр Бородкин, Григорий Билименко. Двоюродный брат Фадеева Игорь Сибирцев, который был несколько старше его по возрасту, также находился в партизанском районе.

Опыт своей боевой юности, начиная с самой ранней, Фадеев очень широко использовал во всех трех своих романах. Любопытно, однако, то, что входил этот опыт в творчество его по-разному и, так сказать, в обратном хронологическом порядке. В основе «Разгрома» и «Последнего из Удэге» лежит опыт «товарища Булыги» (такова была партизанская кличка Фадеева) — пропагандиста, агитатора, штабного работника и комиссара в партизанских отрядах Петрова-Тетерина, Мелехина и Певзнера. Деятельность свою в партизанском районе Фадеев начал с огромной будничной и кропотливой работы, как будто бы и не имеющей прямого отношения к военным действиям.

«Вместе с другими товарищами он был направлен штабом в Ольгинский уезд для агитации среди крестьян,— пишет в своих воспоминаниях М. И. Губельман.— Призывая их к участию в партизанских отрядах, Саша прошел много сел и деревень. В отличие от других он вел дневник, в котором тщательно и продуманно записывал все, что видел и слышал. Тут были сведения об имущественном положении сел, деревень и отдельных

крестьян, возрастной состав населения, экономическое положение. Сколько лошадей, сколько и какой скот имели жители, характеристики отдельных лиц, вожаков деревень и сел, о том, какое имеется оружие и в каком количестве, сколько имеется патронов и т. д., о знатных охотниках, о хороших стрелках, о рыбаках, земледельцах. Это была своего рода перепись населения со всеми подробностями их быта и труда. Это были ценнейшие сведения, необходимые штабу»¹.

Молодой агитатор уже тогда понимал, насколько важна будничная, «прозаическая», трудовая «подоснова» массового героизма, народной борьбы. Эту сторону своего опыта он отчасти использовал и в «Разгроме», но еще больше и полнее — в «Последнем из Удэге». Перед героями этого романа — так это было и в жизни — тут же, под пулями, встают «очередные задачи Советской власти». Надо решать земельный вопрос — самый большой и жгучий вопрос деревни; надо закладывать основы национальной политики Советской власти; и наконец, главное: надо, чтобы временные, переходные организационные формы были подчинены основной цели — строительству социалистического общества, чтобы живые требования деревенской массы были «оформлены», направлены волею и разумом «города» — рабочего класса, партии.

Широкий, государственный подход к работе и одновременно внимание к каждому участнику или потенциальному участнику движения создали за короткие месяцы молодому партработнику такой авторитет, что на Первом съезде трудящихся Приморья (в июне 1919 года) он был избран одним из секретарей его.

М. И. Губельман (который в ту пору был военным комиссаром Временного военно-революционного комитета Приморской области) отмечает в характере Фадеева, наряду с волей и страстью к организованному творчеству истории, нетерпимость к «партизанщине». «Саша был ярким врагом неорганизованности и партизанщины. К сожалению, это имело место в ряде анархистствующих отрядов, захвативших в других отрядах лошадей, запасы питания и т. д. С этими отрицательными явлениями шла борьба. Ярким примером служит донесение

¹ «А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», Владивосток, 1960, стр. 342.

Петрова-Тетерина мне как военному комиссару Временного военно-революционного Комитета, привезенное партизанами Нестеровым и Булыгой (А. Фадеевым)»¹.

Донесение это дает картину того почти неодолимого разгула «стихий», который был внесен в отряд Петрова-Тетерина присоединившимися к нему недисциплинированными партизанскими подразделениями. В результате отряд Петрова-Тетерина, который с трудом, потеряв часть лошадей, отделился от своих горе-союзников, чуть не погиб, наткнувшись на засаду противника... «В деревне Орехово я наскочил на засаду противника, ехавшие в дозоре Морозов и Ещенко убиты. Морозова и Ещенко подпустили вплотную, и, когда они закричали «сдавайся!» — Морозов выхватил наган, сделал два выстрела в офицера, и оба были убиты залпом засады. Своею смертью т. Ещенко и Морозов спасли отряд: в тумане, который был в то утро, мы также бы наскочили на них»². Саша Булыга участвовал в этом деле, и подвигу Морозова и Ещенко он, как и все уцелевшие люди отряда, был обязан жизнью.

Фадеев говорил автору этих строк о том, что в «Разгроме», в отличие от «Последнего из Удаге», у каждого из героев есть реальный прообраз — живой участник партизанской войны, хорошо известный ему, автору романа. Сейчас, когда после смерти Фадеева опубликован ряд воспоминаний его друзей и соратников, становится ясным, что все-таки это не совсем так.

Прежде всего отряд Левинсона — это не отряды Петрова-Тетерина или Мелехина, где Фадеев начал свой партизанский путь. И это не отряд Певзнера, где он этот путь продолжил до первого своего и тяжелого ранения под Спасском. М. И. Губельман — самый авторитетный судья в данном вопросе — дает очень высокую оценку командиру Петрову-Тетерину и его отряду. Но Певзнеру и его бойцам он дает оценку, так сказать, сверхвысокую, и к этой оценке присоединяется большинство командиров и партийных руководителей Дальнего Востока. М. И. Губельман в своих воспоминаниях приводит и то объяснение, которое дал Фадеев свое-

¹ «А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», стр. 344.

² Там же, стр. 345—346.

му переходу в отряд Певзнера. «Мне помнится переход Фадеева в отряд Певзнера. На мой вопрос: почему он переходит в отряд Певзнера — Саша ответил просто и ясно: — Перехожу, потому что в отряде командующего товарища Певзнера больше дисциплины, порядка, что отряд Певзнера коммунистический»¹.

Фадеев посвятил «Особому коммунистическому» специальный очерк, и хотя немало боевых дел связывало его с отрядами Петрова-Тетерина и Мелехина, все-таки сердцем и памятью он, конечно, до конца дней «прикипел» к отряду Певзнера.

Партизанские отряды, действовавшие в 1919 году в Сучанской долине и возле Имана, под давлением превосходящих сил японцев и белоказаков сосредоточились к осени в селе Чугуевке — том самом, где Фадеев провел свои детские и отроческие годы. Там он встретил двоюродного брата своего Игоря Сибирцева, воевавшего в другом партизанском отряде, и оба юноши пошли работать на мельницу односельчанина Фадеева — Козлова.

Вступление в Чугуевку «Особого коммунистического» ознаменовалось даже некоторыми элементами паники. Жена Козлова прибежала на мельницу, чтобы предупредить товарищей о появлении весьма странного и подозрительного военного подразделения. Внешняя подтянутость, все признаки регулярной части резко отличали вступивший в Чугуевку отряд от уже находившихся в селе партизан.

«К нам только что пришел отряд на село, — сообщила двоюродным братьям перепуганная жена Козлова, — и что за отряд, понять невозможно. Шли строем, с ружьями на плечо. Все в военных шинелях. Складно пели песни, и шапки у всех одинаковые, а погонов я вроде и не заметила. Похоже — вроде колчаки, а погонов нет. Я уж вам навстречу выбежала, чтобы предупредить»².

Братья и сами смутились, и младший, Саша, мальчик по виду, да еще и одетый по-крестьянски, пошел в разведку. «Подхожу к центру села, вижу большое оживление на улице: мужики, бабы, много парней и

¹ «А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», стр. 346.

² См.: А. Фадеев, Собр. соч., т. 3, стр. 134.

девушек, шпыряют ребятишки. В кучках людей — вооруженные в шинелях. Идет оживленная беседа. Я подошел к избе, возле крыльца которой было особенно много народу. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами. Это был командир только что пришедшего на село красного партизанского отряда, действовавшего в районе города Спасска»¹. Сам Фадеев иногда говорил и писал, что И. М. Певзнер во многом похож на Левинсона, иногда просто, — что он и есть Левинсон. Думаю, что первое, осторожное, определение больше соответствует истине. Одно, впрочем, можно сказать точно — Левинсон командует не «Особым коммунистическим». И дело тут, конечно, не в том, что отряд Певзнера — пеший, а отряд Левинсона — конный (как отряд Петрова-Тетерина), и не в том также, что действует он не под Спасском, а в Улахинской тайге, что основа, душа отряда — это рабочие Свягинского лесопильного завода и уссурийские железнодорожники, а не «угольное племя» сучанских шахт. Главное то, что бойцы «Особого коммунистического» все были коммунистами и не могло там быть ни Кубрака с его взводом, ни такого анархистствующего склочника, как Чиж, ни дезертирства, ни похабного взгляда на женщину. Единственной женщиной «Особого коммунистического» была сестра одного из бойцов — Ситникова. Она была связистом отряда, очень удобным, «потому что никто бы из врагов не мог предположить, что эта скромная, застенчивая девушка может выполнять такие ответственные задания. Иногда она могла задержаться у нас на несколько дней; тогда стирала нам белье, чинила одежду. Она была очень тихой и неразговорчивой. Я и сейчас помню ее сидящей на нарах, согнувшейся над иглой. И все повнеможку ухаживали за ней. А она — безответна. Разве уж только что на какой-нибудь уж очель удачный ход младшего Кокорвича она вдруг вскидывала на него свои темные ресницы, в глазах ее появлялось выражение лукавства, и она начинала тихо-тихо смеяться, показывая белые зубы. Я уже сказал о том, что все любили ее. Но отношение к ней было товарищеское, в совершенно осо-

¹ См.: А. Фадеев, Собр. соч., т. 3, стр. 135.

бом мужском смысле. Ведь нас было около сотни молодых, оторванных от своих семей, от жен, невест. Но никогда ни один из нас не допустил себя по отношению к Вере до грубости или пошлости, и, в сущности, по молчаливому, неписаному какому-то соглашению, не полагалось объясняться ей в любви. Позже, когда отряд вошел в город, она вышла замуж за младшего Кокорвича и уже не расставалась с отрядом»¹.

Под команду Левинсону Фадеев отдал не «Особый коммунистический» и не отряд Петрова-Тетерина или Мелехина, а воссозданное в своих реальных, идущих от жизни чертах и уменьшенное до размеров одного отряда сложное, живое, противоречивое единство, каким было партизанское движение Приморья.

Командир «Особого коммунистического», а затем командующий всеми войсками Спасского района Певзнер по размаху и самому характеру своей военно-революционной работы, несомненно, отличается от Левинсона. Но, сузив масштабы деятельности типического по характеру большевика, Фадеев в «Разгроме» вместе с тем еще отчетливее показал огромную идейно-воспитательную и организационную работу партии, руководившей всесторонней переделкой общества и каждого человека.

В книге Б. Л. Беляева «Люди и события Приморья» (Восниздат, 1959) есть портреты всех руководителей и командиров края в годы гражданской войны. Среди них Певзнер. И хотя — на этом сходятся все — по внешности Левинсон будто бы точно списан с командира «Особого коммунистического», глядя на фотографию, этого не скажешь. Словесный портрет, данный в романе Фадеева, никак не вызывает представления об этом лице — молодом, с мягким овалом и действительно «нездешними», замечательной красоты глазами. Правда, фотография снята до перехода Певзнера в партизанский район, и на ней не запечатлена пресловутая рыжая борода чуть ли не до пояса, борода гнома, о которой неоднократно поминается в «Разгроме» и во всех мемуарах. Вместо бороды — лишь по-английски подстриженные усики. Светлые волосы причесаны на косой пробор и слева поднимаются волнистым, почти казачьим чубом. Несовпадение, скорее эмоциональное (то

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 3, стр. 139.

есть в восприятии читателя), чем фактическое, словесного портрета Левинсона и реального облика Певзнера прежде всего объясняется тем, что автор «Разгрома», достигший ко времени работы над романом возраста своего бывшего командира, все-таки, по памяти, продолжал ощущать его как предыдущее поколение. Поэтому и читатель видит Левинсона отнюдь не как молодого человека, хотя было Певзнеру-Левинсону в ту пору двадцать пять лет. Впрочем, и большинству руководителей партизанского движения и партийного подполья в Приморье было в ту пору лет двадцать пять — двадцать восемь.

Этот взгляд чуть «снизу вверх» отражен и в тех комментариях к роману, которые сам Фадеев неоднократно давал на собраниях литкружковцев, молодых писателей или читателей Ростова, Ленинграда, Москвы. Содержание одной из таких бесед сохранилось в отчете газеты «Читатель и писатель» (от 19 мая 1928 года). «Изображая Морозку, автор имел в виду показать процесс формирования нового человека, который протекает мучительно потому, что «старое тащит в себе». Левинсон, по замыслу Фадеева, это та высшая человеческая ступень, до которой могут дойти люди в революции. Но автору кажется, что Левинсон удался ему меньше, чем другие герои. Показать в литературе старых большевиков трудно потому, что молодые авторы еще не имеют достаточного жизненного опыта; отсутствием этого личного опыта объясняет автор и то, что образ Левинсона не совсем удовлетворяет его самого, как автора».

Двадцатисемилетний молодой писатель, партийный работник и комиссар гражданской войны продолжал ощущать как старого большевика своего двадцатипятилетнего в пору гражданской войны руководителя и командира. Этой любопытнейшей аберрацией и объясняется, вероятно, некоторое внутреннее несоответствие в общественном и личном аспектах характера Левинсона. Обаяние образа, власть его над читателем идет от общественного облика Левинсона, от Левинсона — воспитателя всей массы отряда и всех его бойцов. Как типический герой, Левинсон живет прежде всего в правильном решении тактических и стратегических задач борьбы, в том воздействии, которое он по-разному оказывает на каждого из героев романа. Диалектиче-

ская гибкость всей сложной деятельности Левинсона, ум, классовое чутье, спокойствие, внешняя сдержанность и незаметность — все это и создает живой и неповторимый облик человека, дошедшего до высшей человечности своего времени. Но в изображении жестокого по отношению к себе самому аскетизма, каким Левинсон замыкает в себе все личное, вероятно, сказалось то восприятие командира массой, о котором говорит сам Фадеев в «Разгроме». Для людей отряда Левинсон как бы поднялся над сферой личных человеческих чувств. Оттенок этой высокой почтительности и связанной с ней неполной свободы в отношении к герою, вероятно, и вызывал то чувство неудовлетворенности, о котором неоднократно говорил Фадеев.

Левинсон — это, несомненно, не портрет Певзнера. Также и Бакланов — это, конечно, не только замечательный командир — помощник Певзнера А. П. Баранов, — в образе этом живет и память обо всех друзьях юности — живых и погибших. Кстати, Баранов и не погиб в гражданскую войну. Но погибли друзья юности А. Фадеева — Игорь Сибирцев и Саня Бородкин. Сибирцев, тяжело раненный, отстреливался от белых до последнего патрона, которым он и покончил с собой. Саню Бородкина, также после тяжелого ранения, захватили и зверски замучили белогвардейцы.

✓ В «Разгроме» живет непосредственный опыт боевых дел, и боль за гибель лучших, и память дружбы, поистине скрепленной кровью и проверенной на деле. Пятого апреля 1920 года, в день одновременного во всех городах Приморья выступления японских империалистов, тяжело раненного Фадеева в обстановке проигранного сражения на руках вынесли бойцы «Особого коммунистического».

Личный опыт и вера в конечное торжество всех сил, победивших в Октябрьскую революцию, укрепляли в творчестве Фадеева самое основное — героическое начало, любовь к человеку-творцу, действующему в согласии с ведущими силами истории. Изменение облика этого человека, рожденного в огне Октябрьской революции и гражданской войны и построившего социалистическое общество, и стало основной темой всего творчества Фадеева.

С особой силой пробудилось в нем желание сказать не о прошлом, а о сегодняшнем дне этого нового чело-

века во время Отечественной войны. «Отечественная война, — говорил он весной 1943 года, — обнажила с необычайной остротой и то дурное, что есть в нашей жизни, что является в нашем молодом строе пережитками прошлого. Но она подняла на гребень, как великую, могучую, непреоборимую силу, все самое истинно прекрасное, что было воспитано в советском человеке двадцатью пятью годами советского строя. Показать это самое прекрасное как непреоборимую силу во всемирной схватке с самыми мрачными, зверскими, античеловеческими силами в развитии человечества — в этом, можно сказать, историческая миссия советского искусства»¹. Слова эти были сказаны накануне того, как сам Фадеев и вся страна узнали о подвиге героев его будущего романа, членов подпольной комсомольской организации Краснодона «Молодая гвардия».

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 338.

ПОДВИГ И БЕССМЕРТИЕ

31 марта 1943 года в Москве происходило совещание писателей, посвященное задачам литературы в дни Великой Отечественной войны.

Перелом уже наступил. Уже завершилась победой великая битва на Волге, и захватчики покатались на запад на многих участках фронта — от Черного до Баренцева моря.

И все-таки фронт проходил еще не очень далеко от Москвы, и на совещание смогли вырваться многие писатели — корреспонденты центральных и армейских газет. Гимнастерки с ленточками орденов были густо вкраплены среди обычной «штатской» писательской аудитории.

На пути к победе предстояло еще много трудов, лишений, горя — это понимали все. Но все ощущали также, что самое страшное — позади. Вот почему собрание это стало как бы некоторым подведением итогов — попыткой «человековедов» сообща подумать о том, каким вступает советский человек в новый период войны, чем была война, опыт войны для советского народа.

Ответы были разные. П. Антокольский — автор замечательной поэмы «Сын» — говорил о том, что война была для нашего народа «школой страдания». Самый прославленный в годы войны трибун антифашизма И. Эренбург считал, что «война — исключительное состояние и народа, и отдельного человека. Это — исступление, накал ненависти и самозабвенной любви».

О рождении в войне принципиально новых мыслей и чувств говорил в своем выступлении И. Уткин.

Заключал собрание А. Фадеев. Соглашаясь со многим из того, что было сказано (например, с выступлением В. Кожевникова о чертах «человека будущего», проявившихся в военных подвигах советских людей), он вместе с тем не принял те частные эмоциональные и, на его взгляд, неточные определения, какие были даны в выступлениях некоторых уже упомянутых нами писателей. А. Фадеев говорил о том, что у войны, конечно, есть много разных сторон, мимо которых не должен проходить писатель. Но та или иная сторона не должна заслонять главное.

«...Есть в современной войне нечто главное и для народа и для писателя. Эта война — особенная война, освободительная, справедливая война против самых реакционных сил истории, против самых жестоких и зверских из когда-либо бывших на земле захватчиков и поработителей — недаром наш народ называет ее Великой Отечественной войной. В этой войне миллионы советских людей раскрывают самые сильные, благородные, героические стороны своего характера, встают во весь свой человеческий исполинский рост — в боевых делах, в труде, в отношении к Родине, к нации, в мышлении о мире, о человечестве, в чувствах своих к врагу, к товарищам по борьбе, к семье, к любимому человеку. Мне кажется, что это и есть главное, что может и должен увидеть и показать советский художник в современной войне»¹.

Месяц спустя после этого совещания — 18 апреля 1943 года во фронтовой газете «Сын отечества» появились первые сведения о краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия».

Поздней весной 1943 года в Краснодар выехала специальная комиссия ЦК ВЛКСМ, чтобы изучить на месте деятельность организации, собрать документы, живые свидетельства.

Полученный материал оказался настолько значительным, деятельность «Молодой гвардии», обстоятельства гибели ее членов свидетельствовали о таком человеческом величии, что в Центральном Комитете Комсомола возникла мысль о необходимости воздвигнуть «нерукотворный памятник» героям-патриотам.

«Мне показали материал о подпольной организации

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 336—337.

комсомольцев Краснодона в период оккупации, — вспоминал впоследствии А. Фадеев, — и спросили: не напишу ли я книжку? Я, пока материал мне не был знаком, ответил, что трудно писать по заказу, а потом согласился. Такой материал мог бы камень расплавить!»¹

Первым откликом А. Фадеева был очерк «Бессмертие», опубликованный 15 сентября 1943 года в газете «Правда», в том же номере, что и правительственный указ о присвоении пяти руководителям «Молодой гвардии» посмертно звания Героя Советского Союза и о награждении орденами погибших и живых членов организации. В конце сентября А. Фадеев выехал в Краснодар. Из поездки он привез огромный, свой материал — дневники, письма, стихи, фотографические карточки, записи бесед и память о беседах с родными и близкими молодогвардейцев, с жителями города, с участниками партизанского движения. Он узнал и облик самого города — улиц, домиков, где жили и боролись его будущие герои. Осенью 1943 года А. Фадеев начал работу над романом. Тринадцатого декабря 1944 года он отметил в записной книжке: «Сегодня в 8 ч. вечера закончил «Молодую гвардию».

Если «Разгром» говорил о формировании нового гуманизма и рождении нового человека непосредственно в огне гражданской войны, если та же тема решалась в «Последнем из Удэге» «с вышки» опыта общественного и государственного строительства тридцатых годов, то «Молодая гвардия» как бы подводила итог великой двадцатипятилетней школе строительства социализма, которая сформировала характер, взгляды и чувства десятков миллионов советских людей разных возрастов.

В «Молодой гвардии» не только показаны советские люди, вставшие во весь «человеческий исполинский рост» в тяжайших условиях войны, — в ней раскрыта и закономерность этого поразившего мир «чуда».

И первым, главным объяснением становится неразрывное единство советского народа с Советской властью, тождество всех интересов советского гражданина — социальных, экономических, личных — с интересами народа и страны. Эта важнейшая тема произведе-

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 2, стр. 557.

пия возникает уже перед началом событий, описанных в романе, когда немцы только еще готовятся вступить в Краснодар, когда еще не началась деятельность «Молодой гвардии».

В группе граждан, которые пытались эвакуироваться из города и были перехвачены фашистской армией у Донца, собрались люди самые разные по возрасту и общественному положению — от Валько, коммуниста-руководителя, директора шахты № 1-бис — гордости Донбасса, только что взорванной руками тех, кто ее создавал сам, — до беспартийного деда-возчика. Каждого из этих людей — таких разных — новый, горький поворот в их судьбе заставляет заглянуть в будущее. И оказывается, что для каждого из них — молодого и старого, партийного и беспартийного — приспособить свою жизнь к оккупантам, служить им так же невозможно, неестественно, как ходить на четвереньках или есть человеческое мясо.

С той чудесной демократической обстоятельностью, которая (если говорить о литературной традиции) идет от классики нашей и прежде всего от традиции Льва Николаевича Толстого, Фадеев раскрывает ход мыслей героев, при котором бытовое, житейское переплетается с самым идейным, высоким, образуя единую «корневую систему» советского патриотизма.

Дед-возчик резопно думает, что оккупация вряд ли грозит ему, старику-пенсионеру, непосредственной опасностью для жизни. Но, пожалуй, лошадку — самое ценное его имущество — немцы отберут, да и пенсию ему, проработавшему сорок лет на шахте, выплачивать перестанут, и не только отнимут пособие за трех сыновей, сражающихся в рядах Красной Армии, но еще и начнут утеснять его — отца советских воинов. Вот почему ему — беспартийному старику — без победы, без Советской власти не жить.

И кто бы ни оглядывался назад и ни заглядывал в будущее — старый лесничий, отец комсомольца Виктора Петрова, молодой геолог Николай Николаевич Коростылев, хорошенькая его жена Марина, — все они ощущают те тысячи нитей, которые связывают их с Советской властью. Все они видят — не будет Советской власти, не будет и жизни: работы, отдыха, пищи, возможности учиться, воспитывать детей — ничего не будет. И у старого лесничего Петрова при одной мысли

об этом возникает желание драться, а Николай Николаевич Коростылев довольно хладнокровно прикидывает, как надо будет изворачиваться, чтобы не работать на оккупантов в том случае, если они его не убьют. Кроме старших, тут, у Донца, есть и большая группа будущих молодогвардейцев — Олег Кошевой, Уля Громова, Ваня Земпухов, Жора Арутюянц, Клава Ковалева, Виктор Петров и Толя Понов.

В каждом из них, при всей личной окрашенности чувств: оскорбленного патриотизма, гнева, любви к Советской родине — уже возникает неясное им самим «по форме», по чрезвычайно ясное «по содержанию» ощущение, что с нацистами им не жить.

Это массовое «нет», всенародное peжелание иной судьбы, кроме советской, иной власти, кроме Советской, и становится в книге — как и в жизни — той почвой, на которой вырастает героизм авангарда народной массы — нескольких поколений коммунистов.

«...Среди всех этих людей, так по-разному думавших о судьбе своей и всего народа, — заканчивает А. Фадеев «смотреть» своих героев, остановившихся в степи у Донца, — было два человека, тоже очень разных по характеру и по возрасту, но удивительно схожих тем, что оба они находились в состоянии небывалого морального подъема и эпергической деятельности. Одним из этих людей был Валько, а другим — Олег».

Оба эти человека, и юный и взрослый, «изваяны» Советской властью так, чтобы всегда быть впереди передовых, нести ту тяжесть исторического деяния, ту личную ответственность за судьбы народа, которые берет на свои плечи прирожденный вожак масс. Чувства их обоих тут же приводят не только к решениям, но и к поискам путей их осуществления. Ночной разговор Олега и Валько — это первая искра, из которой родится пламя подпольной молодежной организации, это — вступление к теме преемственности поколений, революционных большевистских традиций, которая с такой силой зазвучит в романе дальше.

«Валько пошел разведать, куда тянется балка. И вдруг услышал за собой шаги. Он обернулся, остановился и при свете месяца, блестящего на росе, узнал Олега.

— Товарищ Валько, мне очень нужно с вами поговорить. Очень нужно,— сказал Олег тихим голосом, чуть заикаясь.

— Добре,— сказал Валько.— Да стоя придется, бо дюже мокро.— Он усмехнулся.

— Помогите мне найти в городе кого-нибудь из наших подпольщиков,— сказал Олег, прямо глядя в потупленные под сросшимися бровями глаза Валько.

Валько резко поднял голову и некоторое время внимательно изучал лицо Олега.

Перед ним стоял человек нового, самого юного поколения.

Самые, казалось бы, несоединимые черты — мечтательность и действительность, полет фантазии и практицизм, любовь к добру и беспощадность, широта души и трезвый расчет, страстная любовь к радостям земным и самоограничение — эти, казалось бы, несоединимые черты вместе создали неповторимый облик этого поколения.

Валько хорошо знал его, это поколение, потому что оно в большой мере было сколком с него самого.

— Подпольщика ты вроде уже нашел,— с усмешкой сказал Валько,— а что нам дальше делать, об этом мы сейчас поговорим».

Связь поколений разрешается для А. Фадеева «диалектически», как взаимное уважение, как сложное единство мыслей, чувств, действий различных поколений большевиков-ленинцев. О том, к каким трагическим последствиям приводит нарушение этой связи, свидетельствует судьба Матвея Шульги — одного из коммунистов, оставленных в городе для подпольной работы.

Если подходить к делу «формально» — можно сказать, что судьбу хорошего человека, «райкомщика» Матвея Шульги определило неблагоприятное стечение обстоятельств. И из района, где он работал, вызвали его для нового и ответственного задания в последнюю минуту, и у людей, чьи адреса были ему даны, он раньше побывать не успел. На деле же причины гибели Матвея Шульги лежат гораздо глубже. Но сам он поймет это только в свой смертный час, в тюрьме гестапо, накануне казни.

Шульга — родом из Краснодона, там он провел свою юность, там остались и друзья его юности — кость от кости и плоть от плоти «угольного племени» Донбасса.

И он мог бы преодолеть неблагоприятные обстоятельства, если бы не утратил в какой-то мере внутренний компас, умение самостоятельно мыслить, доверять своему, личному опыту и классовому чутью.

«Форму», «бюрократизм», формально-директивное разрешение сложных, поставленных жизнью вопросов П. Павленко, например, автор «Счастья», воплотил в образе Корытова, которого все-таки победил человек для людей, большевик-ленинец Воропаев.

В «Молодой гвардии» дело обстоит сложнее: ведь влиянию формализма поддался здесь человек честный, бескорыстный, преданный Советской власти и партии в жизни и смерти. «Форма», «бумажка», соответствие благополучным анкетным данным бессознательно стали для Матвея Шульги чем-то более бесспорным, чем живое ощущение человека, чем свои отношения с ним, его характер, его человеческая, а не анкетная судьба.

Первой горькой ошибкой было то, как сложилась встреча Шульги с другом его юности — Лизой Рыбаловой, а теперь Елизаветой Алексеевной Осьмухиной. Он не видел ее многие годы, но воспринял и осудил ее — сегодняшнюю — через «форму», «анкету», «бумажку». В горьких упреках, обращенных Лизой Рыбаловой к «людям власти», «ответственным товарищам», он слышал не то, что в них было, — не оскорбленное чувство советской гордости, не отчаяние матери, у которой больной сын комсомолец и дочь комсомолка остаются во власти фашистов, — а чуть ли не «вражескую агитацию». И пока он донимает Елизавету Алексеевну верными формально, но идущими совершенно мимо существа дела поучениями, за дверью раздаются молодые голоса — там тоже загорается один из огней, от которого пойдет полыхать пожар подпольной работы Красподона. Там, в присутствии дочери Лизы Рыбаловой — Люси, Жоры Арутюянца и Вани Земнухова, которые уже готовы пешком уйти из города, принимает решение добровольно остаться с больным Володей Осьмухиным его ближайший друг Толя Орлов.

«В первое мгновение все растерялись. Потом Володя прослезился и стал целовать Толю Орлова, и всеми овладело радостное возбуждение...

— Вот здорово! Вот это товарищи! Вот это молодец Толя! — довольным глуховатым баском говорил Ваня Земнухов. — Я горжусь тобой... — вдруг сказал он. —

Я и вот Жора Арутюнянц, мы гордимся тобой,— поправился он.

И он пожал Толе руку.

— Да разве мы будем просто так жить? — с блестящими глазами говорил Володя.— Мы будем бороться, правда, Толя? И не может быть, чтобы здесь никого не оставили от райкома партии для подпольной работы. Мы их найдем! Разве мы не сможем быть полезны!»

А в это время Матвей Шульга угрюмо прощался с Лизой Рыбаловой, не удостоив ее своего доверия, не зайдя в комнату, где раздавались голоса краснодонских комсомольцев.

«Ах, напрасно, напрасно ушел ты, товарищ Шульга! Напрасно ты покинул Елизавету Алексеевну и эту девушку, которая так походила на прежнюю Лизу Рыбалову, напрасно не вдумался, не вчувствовался в то, что произошло на твоих глазах между этими юношами, даже не поинтересовался тем, что́, кто́ они, эти юноши!»

Если бы Матвей Кобстиевич не поступил так, может быть, вся его жизнь сложилась бы по-иному. Но он тогда не только не мог понимать это, он был даже чем-то обижен и оскорблен. И ему ничего не оставалось, как идти в дальний район, который в старину назывался «Голубятниками», разыскивать домик своего товарища по старому партизанству, Ивана Гнатенко, или запросто Кондратовича, у которого он не был двенадцать лет. Мог ли он думать, что в этот момент он делал первый шаг по тому пути, который привел его к гибели?»

Нет, и тогда гибель еще не была неотвратимой. Старый шахтер Кондратович тоже был достоин доверия — как друг, боец, партизан, кадровый рабочий, который к тому же сам с горьким стыдом рассказал о своей домашней беде: сын — пьяница, невестка — спекулянтка.

Но и Кондратовича, как и Лизу Рыбалову, Шульга воспринял применительно к стандарту отвлеченной, «анкетной» «правильности». Он отвернулся от товарищей молодых лет, чтобы сделать последний, непоправимый шаг навстречу гибели.

Игнат Фомин, чей адрес был вторым из данных ему, ни в чем не отступает от «благополучного» эталона: он хорошо работал, исправно платил членские

взносы в профсоюз, никогда, во всяком случае, на словах, не противоречил «бумажке». Но за благополучным фасадом «формы» скрывался человек-невидимка, бывший кулак, убийца двух партийных работников в годы коллективизации, будущий фашистский прихвостень и предатель советских людей. Так Матвей Шульга, отвернувшийся от друга юности и не заметивший молодых, совершает непоправимую ошибку. И «разрыв поколений» становится в романе проявлением политической слепоты.

Нет, А. Фадеев — коммунист, государственный деятель — прекрасно понимал, что великая сила коммунистической организации не может проявляться и действовать без определенных и четких организационных форм.

Но — и тоже как коммунист и государственный деятель — он видел и понимал, что в кругленькой, безличной, отвлеченной «форме» может прятаться не только ничтожество, но и прямой враг. Надо верить и «бумажке», но своему партийному и общественному опыту надо верить больше. Пусть существует «форма», в которой отражены правильные общие предпосылки. Ведь воспетый Маяковским советский паспорт — это тоже «бумажка» и «форма». Но надо помнить, что живой человек сложнее формы. В каждом конкретном случае ее надо проверять жизнью. Мельчайшая потачка ей может привести к слишком страшным последствиям.

В романе «Молодая гвардия» действуют три поколения советских людей и три поколения авангарда народной массы — коммунистов. Самый старший по возрасту и степени ответственности за организацию подпольной работы — это пачальник механического цеха центральных мастерских треста «Краснодонуголь» Филипп Петрович Лютиков — участник революционного движения еще до Октябрьской революции, русский рабочий по происхождению, прирожденный организатор и воспитатель масс, чей могучий дух ведет за собой подполье Краснодона. Андрей Валько и Матвей Шульга — «хозяйственник» и «райкомщик» — это добрые «сичевики»-украинцы, они сами исходили родную степь в годы гражданской войны, их товарищи лежат под курганами в донецкой земле. Славное поколение, к которому принадлежат три старших по возрасту комму-

ниста, своими руками «ставило» Советскую власть и своими руками долгие годы строило Советское государство. Проценко, организатор партизанского движения, жена его Екатерина Павловна, инженер Баранов — это люди второй пятилетки, те, кто нелегким трудом добивался побед на повостройках, в МТС, в колхозах, политотделах.

Наряду с авангардом «старших» в романе проходит целая вереница их сверстников — советских людей разных судеб, положений, профессий.

Бабушка Олега Кошевого Вера Васильевна — «сичевик» в юбке, трезвая, песмешливая, собранная; нежная и женственная мать Олега — Елена Николаевна Кошечкина; Александра Васильевна Тюленина — «Шурка», как до старости зовет ее муж, шахтер-инвалид, — глава дома, Марфа Посадница по характеру, мать, вырастившая одиннадцать ребят — трех парней и восемь девок; Полина Георгиевна Соколова — связанная краснодонского подполья, — все они стали полнокровными художественными образами, точно поставленными в общей композиции романа.

Но не менее нужны для того, чтобы мог быть воплощен до конца замысел романа, и те его герои, которые появляются лишь в одном или нескольких эпизодах или чьи судьбы лишь на мгновение скрещиваются с судьбой основных героев.

Врач Федор Федорович, которого фашисты застрелили в коридоре больницы в день вступления их в Краснодар, Мария Андреевна Борц — учительница, мать Вали Борц, Евдокия Федоровна Лютикова — жена Филиппа Петровича, Александр Федорович Земнухов — отец Вани, завхоз, шахтеры Григорий Ильич Шевцов и Матвей Максимович Громов, их жены, их дети — то есть матери, младшие братья и сестры молодогвардейцев, — их образы, их судьбы создают не только «существенный и активный фон» всенародной борьбы, но и широкую картину того «советского образа жизни», который для народа нашего есть единственно возможная форма «жизни на земле». То в лирических отступлениях автора, то в прямом монологе или воспоминаниях «младших» старший встает не только как Федор Федорович или Григорий Ильич, а и как врач, шахтер, учитель, завхоз, почти с большой буквы, то есть как некое воплощение его профессионального тру-

да, вложенного в построение социалистического общества.

«Советский образ жизни» — это и труд людей, и быт чистых окраинных мазанок с вишневыми и яблоневыми садочками, с перелазами, и «центральных» стандартных домиков на две двухкомнатные квартиры, это семья — трудовой коллектив, где у каждого есть свои обязанности, свое дело.

Да, конечно, сознание младших воспитали и школа и комсомол. Но «традиции» боевые и трудовые жили и дома — в делах старших и близких: коммунистов, бойцов гражданской войны, строителей. Родной край, родной город менялся на глазах детей, обрастал парками и бульварами, застраивался новыми домами, школами, больницами. В парках дети гуляли и играли, в новые дома переезжали из «шанхайчиков» и «голубятников». Жизненные условия семей оставались разными. Елена Николаевна Кошечая и бабушка Вера никогда и пальцем не тронули Олега — он жил в атмосфере нежной заботы и относительного достатка. Старая «Шурка» Тюленина нередко кормила озорного сына затрещинами. Сережа рос «как трава в степи», жил материально трудной жизнью подростка из многодетной рабочей семьи, хозяин которой вышел из строя. Но в борьбе и Елена Николаевна, и бабушка Вера, и Александра Васильевна Тюленина пошли вместе с детьми, так или иначе помогая их делу. Александра Васильевна молчала, когда ее избивали в гестапо, молчала, когда у нее на глазах истязали полумертвого сына, молчала, как молчали все арестованные родные и близкие молодогвардейцев, от взрослых до десятилетней пионерки Люси — младшей сестры Вали Борц.

«Когда немцам не удалось схватить Валу Борц, — вспоминает в «Повести о сыне» Е. Н. Кошечая, — они посадили в тюрьму ее мать и десятилетнюю сестру Вали Люсю.

Люся была пионеркой, и она до конца осталась верна той присяге, которую давала, вступая в пионерскую организацию. Люся не раз видела товарищей старшей сестры и знала, что они собираются вместе писать листовки против немцев и потом расклеивать их.

Девочке сказали в тюрьме:

— Ты знаешь, кто у вас из ребят бывал. Скажи —

кто, назови фамилии. Ответишь правду — подарок получишь и сейчас же домой отпустим. Ну?

То, что произошло потом, я узнала из разговора двух полицейских — Шурки Давыденко и Митьки Бауткипа, — когда они сидели у нас в засаде поздно ночью.

Люся спокойно ответила, что к ее сестре никто не ходил и что никаких подарков ей не нужно.

«Я, говорит, свою сестру люблю, и все тут, — рассказывал Бауткин. — Стоит и смотрит прямо в глаза Соликовскому. Как же, пионерка. Соликовский так и опешил. Да и все мы ожидали, что девчонка со страху все расскажет, расчет на нее особый был. Еще спрашивает, на испуг берет — молчит. Тогда Соликовский показывает на петлю, даже на шею ей накинул — молчит. Р-р-раз — и к потолку. Держит за веревку Соликовский, — теперь-то уж, мол, расскажет пионерка о своих. И ты знаешь — ни звука. Глядим — задыхается. Вынули из петли, водой из ведра окатили: говори. Молчит. Суток пять в тюрьме продержали, так ни с чем и выпустили».

Среди захваченных гестапо членов «Молодой гвардии» не оказалось ни одного предателя. Среди сотен арестованных родственников молодогвардейцев не нашлось ни одного, кто захотел бы ценой предательства купить жизнь сына, дочери, брата, сестры.

Вот на что опирались в борьбе три поколения коммунистов и комсомольцев Краснодона.

2

Тема преемственности общественных и революционных традиций освещена в романе А. Фадеева как бы двойным светом. Личное, лирическое ощущение ее идет не только от непосредственно полученного в Краснодоне материала и не только от опыта новой, советской действительности. В ощущении этом живет еще и память о своем детстве и юности, о семьях русских рабочих и демократической интеллигенции города и деревни, целые поколения которых «уходили в революцию». Отец А. Фадеева Александр Иванович и его мать Антонина Владимировна познакомились в тюрьме. Двадцатичетырехлетняя курсистка ходила на свидания к заключенному народовольцу в качестве фиктивной «певесты».

Глеб Владиславович Свитыч — отчим Фадеева, который стал ему и отцом и другом, — был членом социал-демократического комитета города Вильно, сыном польского революционера, сосланного царским правительством в Сибирь. И отношения между матерью и отчимом возникли в общей революционной работе. Антонина Владимировна помогала Глебу Владиславовичу принимать из-за границы и переправлять боевым дружинам оружие, хранить нелегальную литературу. Носителями тех же славных русских революционных и демократических традиций были и все члены семьи Сибирцевых, дом которых стал вторым родным домом А. Фадеева в период учебы его во Владивостоке.

В 1917 году, еще до Октябрьского переворота, Антонина Владимировна, вернувшись с уездного Никольско-Уссурийского съезда, делегатом которого она была, сказала двум своим старшим — сыну и дочери: «Дети, большевики правы. Они за бедных. Хорошо хвалить Временное правительство тем людям, у которых все есть»¹. То же говорила она и крестьянам деревни Чугуевки, где, овдовев (Глеб Свитыч умер от тифа во фронтовом госпитале в первую мировую войну), жила со своими детьми. Те же мужество, прямота, железная воля составляли самую сущность характера сестры ее Марии Владимировны — большевички, подпольщицы, матери двух героев борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке — Всеволода и Игоря Сибирцевых. И конечно, в том, как раскрываются в «Молодой гвардии» отношения со старшими в семье, живет память о своим «старших», чьи слова никогда не расходились с делом, которые воспитали новое поколение революционеров прежде всего великим примером своим.

Мне думается, что и в изображении подпольной работы коммунистов и комсомольцев Краснодона присутствует память о юности, о начале революционной работы, о той сыновней нежности и сыновнем уважении, которое возникало в отношениях комсомольца-подпольщика, а затем и молодого партработника со «старшими», руководителями.

А. Фадеев часто говорил — полушутя, полусерьезно, — что он любит дружить с теми, кто старше его —

¹ «А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», стр. 214.

«хоть немного, да старше». Но немало было у него и друзей много старше, чем он,— таких, как М. И. Губельман, Р. С. Землячка, Е. Д. Стасова.

И конечно, та лирическая сила, с какой раскрыта в романе тема единства поколений в борьбе, питается и личным опытом, личной памятью, благодарностью к старшим друзьям — живым и ушедшим.

Тема эта возникает в романе сначала почти как два параллельных ряда — как встречи или прощания перед началом разных заданий людей разных поколений. Встреча Сережи Тюленина и Вали Борц, решение «молодых», принятое у постели больного Володи Осьмухина; Олег, доверяющий Ване Земнухову тайну своей беседы с Валько, прощание «старших» в райкоме перед тем, как Лютиков уйдет в подполье, а Проценко станет одним из организаторов партизанского движения,— так рождается в романе тема единства поколений, лишь дважды (в сцене в доме Осьмухиных и в разговоре Олега с Валько) выходя на поверхность.

И чем разветвленней становится изображение работы краснодонского подполья, чем глубже захватывает она самые разные слои населения города и района, тем больше сближаются и судьбы участников борьбы и тем крепче ощущается их связь со всенародной защитой «советского образа жизни».

Наиболее отчетливо звучит эта тема в тридцатой главе романа.

Это глава о великом «круговращении» живых сил под мертвенной поверхностью якобы установившегося фашистского порядка — «орднунга», — и это глава встреч, «узелков», связавших и человеческие судьбы, и различные отряды борцов.

«Как незаметно для человеческого глаза под корнями деревьев и трав, по трещинам и капиллярным сосудам земли, под почвой, бесшумно, непрерывно сочатся в разных направлениях грунтовые воды, так под властью немцев степными, лесными, горными тропами, балками, под крутыми берегами рек, по улицам и закоулкам городов и сел, по людным базарам и черным ночным яругам двигались с места на место миллионы мужчин, женщин, детей, стариков всех национальностей, паселяющих нашу землю.

Согнанные с родных мест, вновь возвращающиеся на родные места, ищущие таких мест, где их не знают,

пробирающиеся через рубежи фронта на свободную советскую землю, выбирающиеся из окружения, бежавшие из немецкого плена или из концентрационных лагерей, просто брошенные нуждою на поиски одежды и пищи, поднявшие оружие борьбы с угнетателями — партизаны, подпольщики, диверсанты, агитаторы, разведчики в тылу врага, разведчики отступавшей великой армии великого народа, — они идут, идут, неисчислимые, как песок...»

«Разведчики великой армии великого народа» направляют, организуют, делают осмысленным это великое коловращение «живой воды».

Вот в город Ворошиловград входит человек — маленький, русый, румяный, в крестьянской одежде, с крестьянской мягкой бородой. Может, он пришел раздобыться гвоздями или солью в обмен на трошки творогу из заплечного холщового мешка? В душу ему не влезешь — если заглядывать в глаза каждому из проходящих людей, не хватит на это шпиков и полицаев. А человек этот, прячущий взгляд сицих глаз, в которых «поскакивают чертовские искры», — это, оказывается, и есть «сам Проценко», — страшный человек, «способный подорвать власть даже самого советника седьмого отдела фельдкомендатуры — доктора Шульца!» А в то же время в горенке с одним окном, завешенным одсялом, при коптилке, руководитель «старшего» подполья Филипп Петрович Лютиков инструктирует будущего комиссара «младших» — Олега Кошова.

И в этот же день в двери квартиры Вали Борц стучится высокий, стройный, подтянутый молодой человек — будущий командир «Молодой гвардии» Иван Туркенич, лейтенант Советской Армии, раненным взятый в плен, расстрелянный и недостреленный фашистами и спасенный советскими людьми.

А пока Ваня Туркенич беседует с младшей сестрой Вали — Люсей, сама Валя ходит по степи вдвоем с Сережкой Тюлециным, собирая патроны, гранаты, иногда находя винтовку или револьвер. А неподалеку от них кружат по степи вихрастый, веснушчатый «биолог» Степа Сафонов и с ним Тося Мащенко — тихая, с умными глазками. Ведь гулять даже фельдкомендатура не запрещает, особенно если речь идет о «парочке». И лишь вечером, узнав сенсационную новость о появлении Вани Туркенича, Валя мчится к Олегу. И дальше,

дальше делятся встречи: беленькая, тихая Лиля Иванкина, военфельдшер, пропавшая без вести на фронте, возвращается из фашистского концлагеря, принося с собой тот горький опыт, то знание врага, которых нет еще у ее младших подруг — Ули Громовой, Саши Бондаревой, Майи Пегливановой.

Так в этот день, или в эти дни, смыкаются различные звенья краснодонского подполья, кончается предыстория его и начинается история великой борьбы, смерти и бессмертия живых, реальных и ставших вместе с тем образами искусства советских патриотов.

3

Да, конечно, материал и сюжет романа даны и закреплены историей. Большинство героев его действительно жило, боролось, погибло в городе Краснодоне.

Живы их родные — отцы, матери, братья и сестры, живы и некоторые участники славных дел «Молодой гвардии» — Георгий Арутюнянц, Валерия Борц, Ольга и Нина Иванцовы, Радий Юркин.

Уцелевшие дневники и письма погибших героев, воспоминания живых — старших и младших — свидетельствуют о том, насколько точен роман А. Фадеева в изображении событий и реальных людей. И все же самый характер этой точности определяется не буквой, а духом исторической и жизненной правды. «Молодая гвардия» рождена тем же двойным — центроостремительным и центробежным — движением, как и всякое подлинное произведение искусства. Огромный жизненный материал — факты, черты характера, проявившиеся во всех отношениях, общественных и личных, — писатель осмысливал и отбирал в соответствии с тем общим пониманием сущности событий и сущности характеров, которыми и рождена сама тема, идея романа.

Внутренняя логика развития образов вымышленных героев — таких, как Иван Федорович Проценко, солдат Каюткин, Евгений Стахович и другие, — ни в чем не отличается от логики развития характера героев реальных. Потому что и «вымышленный» герой несет в себе «сплавленные» авторским воображением черты реальных людей, их отношений и поступков, а внутренняя логика развития характера реальных героев дорисована творческим воображением художника. Так, А. Фадеев

признавался автору этих строк, что тех записей дневника Ули Громовой, которые приведены в романе, не существует, он, Фадеев, придумал их, «домысливая» (если воспользоваться термином М. Горького) ту неравномерность, противоречивость, которые, по внутренней логике, могли проявиться при становлении сильного и благородного характера.

Еще с большей смелостью «прикасался» автор к образам героев, так сказать, второго плана.

Милый, мягкий Радик Юркин «Молодой гвардии», по-видимому, не очень-то похож по характеру на свой реальный прообраз. В жизни он отнюдь не был тем покорным «адъютантом» Жоры Арутюнянца, каким его рисует роман. Воспоминания Елены Николаевны Кошевой, например, говорят о том, что Радик был как бы «карманным изданием» Сережки Тюленина, а также и непремепным участником самых отчаянных его предприятий. И даже когда эти два товарища (им вместе было 29 лет) попали однажды после комендантского часа в полицию, имея при себе корзину ручных гранат, прикрытых мороженой картошкой, положение спас именно Радик: полицаям не пришло в голову проверить содержимое корзины, на которую сел, ревя во весь голос («мамка высечет!»), тощенький пацан лет десяти на вид. Оставив Радика его мужество, его боевые дела, Фадеев изменил самую «тональность» характера, потому что «дублер» ослабил бы образ Сережки Тюленина.

Точно так же смягчена в романе, сделана более пассивной и Клава Ковалева. Нет, реальная, живая Клава не только шла за любимым — Ваней Земпуховым, не только была женственным отражением его чистоты, мужества и благородства. С видом «пай-девочки», которая возвращается из школы, она с юным азартом и удовольствием бралась за самые рискованные дела — вроде похищения трех ящиков ручных гранат с румынского грузовика.

Вообще, если говорить о девушках — героинях «Молодой гвардии», то, кроме Ули Громовой и Любы Шевцовой, все они сделаны, пожалуй, более зависимыми от своих друзей — мальчиков, чем это было в действительности.

Так, Нина Иванцова, при всем мужестве своем, все-таки в романе скорее идет за Олегом Кошевым. В жизни же она была инициативной, сама, в одиночку, осу-

ществила, например, диверсию на одной из двух мельниц, молотивших зерно для оккупантов. Диверсия на второй мельнице была поручена трем юношам.

В организации работали пятерки, целиком состоящие из девчат, причем поручались им дела ответственные и опасные. В романе девичья удаля, сочетание храбрости и отчаянности, озорство целиком отданы Любке Шевцовой.

Нет, А. Фадеев не отнял у своих героинь ни их готовности к подвигу, ни их девичьего обаяния. А та их мягкость, та дымка, атмосфера поэтической пажности, какой они овеяны в романе, имеет свои причины и свое объяснение.

Опыт боевой юности владивостокского партийного подполья, партизанской борьбы входил, как мы уже говорили, в творчество А. Фадеева неравномерно и поразному, скорее с «конца», чем с «начала».

К впечатлениям юности — самой ранней юности своей — А. Фадеев очень сложно и по-новому вернулся в романе «Молодая гвардия».

Иногда простое сопоставление дат дает много для понимания внутренних закономерностей творческого процесса. Почему попытку разыскать друга своей юности — А. Ф. Колесникову, которую он совершенно потерял из виду лет двадцать пять тому назад, А. Фадеев предпринимает в 1944—1945 годах, то есть тогда, когда он работает над «Молодой гвардией»? И почему переписка с А. Ф. Колесниковой, с которой он не виделся и не переписывался уже лет тридцать, вдруг возникает и становится необычайно интенсивной в 1949—1950 годах, когда А. Фадеев вернулся к работе над романом?

Письма к А. Колесниковой А. Фадеев в одном из них сам называет «повестью нашей юности»¹. И действительно, в них встает самая ранняя юность А. Фадеева, вернее, одна, но чрезвычайно важная сторона его юношеской биографии — поэтическая дружба школьников — мальчиков и девочек. Речь идет о «соколятах» — об отрочестве, самой ранней юности Пети Нерезова, Сани Бородкина, Гриши Билименко, самого Саши Фадеева, заслужившего в партийном подполье Владивостока еще и свое, отдельное прозвище «орлепка».

Другие стороны ранней юношеской биографии

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 5, стр. 403.

А. Фадеева воскресают в его статьях о Сергее Лазо, о семье Сибирцевых, в его записных книжках, а также в воспоминаниях участников подпольной работы партии, партизанской войны. Немало места и в этих воспоминаниях и в записях уделено товарищеской близости, дружбе между юношами и девушками. Многие страницы воспоминаний Зои Секретаревой, Зои Станковой, Тамары Головниной, Насти Нешитовой поистине читаются, как страницы «Молодой гвардии».

«Городской комитет партии выпускал листовки, воззвания, которые нельзя было распространять легальным путем, — вспоминает Тамара Головнина, — и вот Саша и другие «соколята» — Саня Бородкин, Гриша Билименко, Петя Нерезов совместно с Таней Цивилевой, Зоей Станковой, Зоей Секретаревой отправлялись расклеивать вечерами листовки. Делать это надо было осторожно, чтобы не попасться, и в то же время решительно, чтобы как можно больше распространить этих листовок. Ходили по двое, парень с девушкой, разыгрывая влюбленных. Усыпив бдительность шнырявших повсюду шпииков, парочка останавливалась у забора или ворот, из кармана быстро извлекалась банка с клейстером, и через минуту белела на заборе листовка. Как-то мы все собрались в условленном месте для получения листовок. Саша сказал мне: «Знаешь, такой азарт разыгрывается, хочется наклеить как можно больше и под самым носом у белогвардейцев»¹.

«Делали многое, многое другое и серьезное, а иногда просто забавное, — вспоминает Зоя Секретарева о той работе, какую поручал подпольный комитет партии младшим товарищам. — Например, представьте себе «соколят» в длинных тулупах, с огромными палками в руках, охраняющими от бродячих голодных собак 15 000 пельменей, приготовленных женщинами из Рабочего Красного Креста для заключенных под новый 1919 год и вынесенных на больших фанерных листах для замораживания прямо на Алеутскую улицу.

Однажды я наблюдала с высоты Ботанической (теперь — Сибирцева) улицы, как спускался вниз по Алексеевской улице Саша Фадеев, нагруженный еще пахнущими типографской краской листовками... Позже я

¹ «А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», стр. 289.

узнала, что Саша в паре не то с Настей Нешитовой, не то с Таней Цивилевой умудрился наклеить листовку на дверях чешского штаба, занимавшего здание Совета, в самом центре города...»¹

Тональность, близкая роману Фадеева, которая свойственна воспоминаниям многих старших товарищей писателя по подпольной работе, несомненно, связана отчасти и с тем, что все они невольно всматривались в юность друга, в свою юность сквозь призму «Молодой гвардии».

Дело, однако, еще и в том, что обе Зои, Тамара, Таня, Ольга Левич были и тогда «старшими», взрослыми девушками, иногда даже товарками по учебе или партийной работе молодых руководителей приморского большевистского подполья, таких, как Всеволод Сибирцев или Константин Суханов. Зои — «большая» и «маленькая», Секретарева и Станкова — были членами городского подпольного комитета, который в 1918 году принял в ряды партии семнадцатилетнего комсомольца Александра Фадеева. И в памяти Зои Секретаревой, которая впервые увидела Фадеева в доме Сибирцевых в 1915 году, он остался как топенький большеухий «деревенский хлопчик», лет двенадцати на вид, на которого она, петербургская студентка, уже обладавшая сложившимся революционным мировоззрением, смотрела с почти материнской снисходительностью.

Дом Сибирцевых, дружбы, завязавшиеся там, окрепшие в совместной революционной работе, в простом человеческом общении, конечно, занимали в жизни юного Фадеева и всех «соколят» очень значительное место. Но в кругу «старшей» молодежи они все-таки были «младшими», и отношения их со «взрослыми» девушками сибирцевского круга не могли носить того оттенка «таинственности», «романтизма», какой, естественно, возникает в кругу подростков обоего пола. Эта сторона не только эмоциональной, но и интеллектуальной жизни А. Фадеева и его товарищей связана с другими «кругами» дружб, другим характером отношений.

Анна Филипповна Колесникова в своих воспоминаниях рассказывает о том, как завязалась дружба между компанией девочек из школы имени Черепанова с маль-

¹ «А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», стр. 275.

чишечьей компанией владивостокского коммерческого училища. Сначала — лапта, горелки, смех и «танцы до упаду» на школьных вечерах, а года через два еще и стихи, и музыка, и пение, и споры о том, можно ли «быть вне политики» и что по-настоящему формирует личность — «индивидуализм» или «коллективизм». Такова была атмосфера дружеского общения в этом кружке, куда входили дети из семей как демократической, так и либерально-буржуазной интеллигенции.

Стихи и музыка появились тогда, когда пышные банты и локоны пришли на смену девчачьим косам. Мальчики и девочки почувствовали себя «большими», перешли на «Вы», — как и подобало до революции воспитанным молодым людям, и, естественно, в кружке возникла атмосфера влюбленности и поэтизации «объектов» этой влюбленности. Но какими бы ни были интенсивными эти романтические чувства, все-таки милое девушки-подруги стояли вне основного круга интересов, вне главной, уже осознанной задачи жизни четырех друзей-«соколят». В отношении к ним все-таки был оттенок покровительства, между ними и «соколятами» лежала тайна принадлежности юношей к революционной организации, к той «серьезной жизни», о которой не знали, а отчасти и не хотели знать их подруги.

В одном из писем к А. Ф. Колесниковой А. Фадеев объясняет ей, почему неизбежно должны были распасться эти подлинные и поэтичные отношения. В пору великих социальных кризисов служение революции втягивает всего человека, все его связи, всю его судьбу. «... Чем глубже мы входили в эту новую для нас такую мощную духовную сферу деятельности, тем больше она поглощала наши души, тем больше у нас появлялось все новых и новых друзей, а старых, кто не вошел с нами в эту дверь, уносило все дальше и дальше от нас, хотя у нас и сохранились еще дружеские чувства к ним»¹.

Эта светлая печаль, воспоминание о юношеской дружбе и влюбленности, от которых А. Фадеев и его товарищи были «отмежеваны самой жизнью», до известной степени наложили свой отпечаток и на некоторые женские образы «Молодой гвардии», вызвали те «тургеневские» ноты, которые порой звучат в романе.

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 5, стр. 398.

Но надо помнить и о том, что сам Донбасс и его люди также с юности вошли в биографию А. Фадеева. В течение двух лет — с осени 1924 по осень 1926 года — А. Фадеев был на партийной работе в Краснодаре и Ростове-на-Дону (в отделе печати крайкома партии), временно исполнял также обязанности ответственного редактора газеты «Советский юг».

О личных встречах той поры, о молодежи Донбасса начала двадцатых годов говорят и записные книжки А. Фадеева.

Когда в «Молодой гвардии» читаешь о внешнем облике красnodонских девчат — Нины Иванцовой, Майи Пегливановой, Шуры Бондаревой, — о милой в девичьих устах русско-украинской речи, невольно вспоминаются те девушки-комсомолки и беспартийные — Катя Васильева, Соня Божко, — о которых с такой печалью и уважением говорит А. Фадеев в записных книжках 1924 года.

«Васильева — небольшого роста, стриженная (кончики волос двумя пушистыми скобочками из-под разноцветного украинского платочка), на вид лет семнадцать — восемнадцать. Но сколько в ней уверенности, достоинства и деловитости во время заседания! Обрезает так ловко, не моргнув глазом, что просто прелесть. Я сидел в углу и искренне восхищался. А под вечер я узнал, что ее зовут Катей. У нее серо-коричневые глаза, чудная девичья улыбка и быстрые, немного нервные пальцы».

Соня Божко — совсем другая. Черноглазая, белозубая, с тяжелыми черными косами — эта восемнадцатилетняя ростовская медичка буквально на глазах молодого партработника проделала стремительный путь от староказачьей романтики, от преклонения перед старинными традициями к активной борьбе за новое. Осенью 1924 года Соня — уже «рабселькор Божко».

«И вот, слушая Соню, — говорит Фадеев, — она была необычайно разговорчива, — я подумал: «Да! Как изменилась Расея!» Пильняк пишет целые романы о том, как в российских болотах кричат русалки и ухают сычи, как 300 лет тому назад. Но Соня — скромная, молчаливая, типичная «старая» казачка Соня — почувствовала, как меняют российский лик все эти комсомолы, фтордзены, дедовы газеты «про войну и про хлиборобов», и сказала мне:

— Саша! Через десять лет нашей Кубани не узнаешь.

И сказала она мне это не с сожалением, а с радостью. «Изменилась Расея!»¹

4

И все-таки ни о какой ретроспекции в романе, конечно, и речи быть не может. Молодогвардейцы — люди *своего* времени, своего уровня общественного сознания. Они не светятся отраженным светом 1917—1924 годов, они — при всей близости — не похожи на юного Валько, на Павку Корчагина, Сережу Брузжака или на Баклапова.

Молодые герои «Разгрома», «Чапаева», «Как закалялась сталь» лишь утверждают власть трудящихся, лишь начинают строить новый мир. Герои «Молодой гвардии» — это молодые хозяева нового мира, своей страны и своей судьбы.

И Олег, и Сережа, и Уля, и Любка, и Ваня, и Жора — все они знали, что перед ними открыты большие дороги — к творчеству, счастью, подвигу. И все они, кроме этой своей, советской жизни, никакой жизни ни принять, ни представить себе не могли.

Они уверены в незыблемости советского строя и советского образа жизни, как в том, что земля — круглая и день сменяется ночью. Поэтому они морально отрицают самое существование фашистов, ставят их вне жизни даже в тяжкую пору отступления Советской Армии и оккупации.

Мальчишеский разговор Вани Земнухова и Жоры Арутюнянца о будущем, о сравнительной ценности различных профессий, о стихах, разговор, который ведется, когда парни эти идут по дорогам войны в потоке беженцев, вместе с отступающей армией, — это проявление той органической, кровной силы советского самосознания, которую воспитали двадцать пять лет Советской власти и которую уже ничто ни победить, ни изменить не может.

Недаром автор устами маленького, молчаливого, «донельзя усатого» майора так комментирует этот разговор:

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 5, стр. 92, 94.

«Вы, ребята... вы даже не знаете, какие вы ребята! — сипло сказал майор, с волнением глядя на них своими глубоко спрятанными под нависшими бровями влажными глазами. — Не-ет! Такое государство стояло и будет стоять!.. Он думает, он у нас жизнь прекратил... Нет, брат, шалишь! Жизнь идет, наши ребятинки думают о тебе, как о чуме или холере. Пришел — и уйдешь, а жизнь своим чередом...»

Мужество в защите жизни, нашей советской жизни, проявляется в разных формах. И величие прямого подвига, совершенного на полях сражений или в подпольной и партизанской борьбе, не должно заслонять и повседневного мужества тех, кто хранил нормы советской, человеческой жизни в будничной работе, в быту. Для того, например, чтобы оборонять Ленинград в дни блокады, требовалось не только «презрение к смерти», но и ежедневное, будничное мужество, которое начиналось с того, чтобы часть воды, зачерпнутой из проруби или пацезенной за два квартала в чужом подвале, употребить на мытье, чтобы поделить на «трехразовое питание» стограммовую пайку хлеба.

Не случайно А. Фадеев отмечает даже внешнюю подобранность, подтянутость своих героев в дни всенародной беды. Так, на охвачепной тревогой, даже паникой улице Красподона в последний день эвакуации Любка Шевцова, «Любка-артистка» появляется почти «в вихре вальса». «Как ни страшно это было в такой момент, но, палетев на калитку и сдва не сбив эту девушку, Уля в каком-то мгновении озарении увидела эту девушку кружащейся в вальсе...

Самое поразительное было то, что Любка стояла за калиткой среди кустов сирени совершенно спокойная и одетая так, точно она собирается идти в клуб. Ее розовое личико, которое она всегда оберегала от солнца, и аккуратно подвитые и уложенные валом золотистые волосы, маленькие, словно выточенные из слоновой кости руки с блестящими поготками, будто она только что сделала маникюр, и маленькие, полные, стройные ножки, обутые в легкие кремовые туфельки на высоких каблуках, — все это было такое, точно Любка вот-вот выйдет на сцену и начнет кружиться и петь».

Неоднократно напоминает А. Фадеев и о «подтянутости» Вани Туркенича. И в тридцатой главе, во время

встречи Лютикова и Олега Кошевого, он снова отмечает: «Есть что-то общее в них — и в молодом и в старом, — даже в том, что в такой поздний час ночи, в эти злосчастные дни немецкой оккупации, оба они сидят одетые подчеркнуто чисто и аккуратно, при галстуках».

«В злосчастные дни оккупации», в тягчайших условиях подпольной работы, ежедневно, ежесекундно рискуя жизнью, герои А. Фадеева остаются нормальными, человечными советскими людьми. Более того, они не утрачивают способности радоваться, чувствовать праздник.

Одним из любимых произведений А. Фадеева в русской поэзии была поэма Александра Блока «Возмездие». И самыми любимыми строфами его в поэме были те, где речь идет о «Народной воле», о революционном подполье конца семидесятых годов. Он нередко читал их друзьям, и голос его уже начинал прерываться от волнения, когда он доходил до строк о том, что именно здесь, в темной комнате, за закрытой дверью, творилась подлинная история страны, жило будущее.

Дальше шел портрет Софьи Перовской:

Средь прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — все просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью.

И, наконец, как-то внутренне подобранный, подходил он к последней и самой любимой строфе — о конце сходки, о том, как празднуют встречу с бежавшей из тюрьмы Перовской, о том, как варят жженку:

Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал.
Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал,
Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза,—
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

И сейчас, когда перечитываешь рассказ о том, как праздновали молодогвардейцы канун 7 ноября 1942 года, невольно вспоминаются те строфы «Возмездия», которые любил Фадеев, строфы, вероятно, будившие в его памяти дом Сибирцевых, песни, стихи и друзей юности — сильных, уверенных, счастливых, многим из которых оставалось тогда прожить всего один-два года.

На квартиру Олега Кошевого молодогвардейцы 6 ноября 1942 года приходят с труднейшего задания — опи, рискуя жизнью, развешивали красные флаги на всех наиболее значительных «объектах» оккупированного города.

«В темноте послышался тихий смех Любки. И она с Сергеем Левашовым с гитарой, и Сережка, и Валя, давась от смеха и хватая друг друга за руки, вбежали на кухню к Кошевым. Они были такие мокрые, грязные и такие счастливые, что бабушка Вера подняла длинные костлявые руки в цветастых рукавах и сказала:

— Рятуйте, люди добрые!

За всю их жизнь не было у них такой вечеринки, как эта, при свете коптилок, в нетопленной комнате, в городе, где уже более трех месяцев господствовали немцы.

Было удивительно, как все молодые люди, двенадцать человек, уместились на одном диване. Тесно прижавшись друг к другу и склонившись головами, они по очереди читали вслух доклад, и лица их невольно выражали то, что одни испытали сегодня, сидя у радио, а другие — в этом ночном походе по грязи. Лица их выражали одновременно то любовное чувство, которое связывало некоторых из них и словно током передавалось другим, и то необыкновенно счастливое чувство общности, которое возникает в юных сердцах при соприкосновении с большой человеческой мыслью, а особенно той мыслью, которая выражает самое важное в их жизни сейчас. На их лицах было такое счастливое выражение дружбы, и светлой молодости, и того, что все будет хорошо... Даже Елена Николаевна чувствовала себя молодой и счастливой среди них. И только бабушка Вера, оперев худое лицо на смуглую ладонь, с какой-то боязнью и неожиданным чувством жалости неподвижно смотрела на молодых людей с высоты своей старости».

А дальше — все, как в обычную октябрьскую вечеринку. Играет на гитаре Сергей Левашов, и начинаются танцы — сначала модный перед войной «заграничный» бостон, затем, после бурного протеста бабушки Веры, гопак. Пляшут бабушка Вера, Олег, украинская красотка Марина, ее муж дядя Коля Коростылев, идет в пляс и сама «Любка-артистка», и Сережа Тюленин, потому что «Украина забила!» — и надо восстановить права русской «поулошной». «Как будто свадьба, новоселье, как будто всех не ждет гроза...» И только Любка вдруг погрузилась и притихла после «поулошной» и просидела до конца вечера, положив на плечо Сергея Левашова маленькую белую руку.

Всей силой таланта своего А. Фадеев утверждает: подвиг краснодонцев, как и весь подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, не был «исступлением». Основа его — нормальные понятия о жизни, нормальные человеческие чувства, перенесенные в условия тяжелой, опасной борьбы, нормальное, советское отношение к труду, понимание общественного и партийного долга.

Не случайно работа «старшего» краснодонского подполья начинается с будничного, как будто, утверждения советского строя, советского самосознания. Филипп Петрович Лютиков передает своей «связной» Полине Георгиевне Соколовой для расклейки по городу старые праздничные номера «Правды». Помощь — пусть малая — семьям фронтовиков, красные флаги, развешенные по городу в Октябрьскую годовщину, членские взносы, которые платят вновь принятые «Молодой гвардией» в комсомол по временному членскому билету, — все это в условиях подполья было внешней формой проявления той великой силы коммунистической организации, которая определила победу советского народа над фашизмом.

5

Существуют две редакции романа «Молодая гвардия». Первая была напечатана в «Комсомольской правде» и журнале «Знамя» в 1945 году, а в 1946 году вышла в свет отдельным изданием, встретив горячее признание читателей и критики.

В статье «Бессмертие» — непосредственном отклике А. Фадеева на подвиг молодогвардейцев — уже содержалась та концепция, которая легла в основу этой первой редакции романа. «Люди старших поколений, оставшиеся в городе Краснодоне для того, чтобы организовать борьбу против немецких оккупантов, были скоро выявлены врагом и погибли от его руки или вынуждены были скрыться. Вся тяжесть организации борьбы с врагом выпала на плечи молодежи».

О действительном значении работы старшего подполья Краснодона, которое осуществляло связь с партизанским движением и руководило деятельностью «Молодой гвардии», в ту пору еще не было известно.

Поэтому великая организационная и воспитательная работа партии не была показана в первой редакции романа непосредственно. Действия, мысли, чувства «младших» несомненно свидетельствовали о том, что они воспитаны партией, связаны с ее великими традициями. Но старшие носители этих традиций либо героически погибали до начала организационной борьбы, либо, как Проценко, действовали, не связываясь с молодежной организацией.

В редакционной статье «Правды» от 3 декабря 1947 года «Молодая гвардия» в романе и на сцене» наряду с высокой оценкой образов «молодых» содержался и ряд серьезных замечаний по поводу общей концепции романа.

А. Фадееву, говорилось в статье, «удалось воссоздать облик героев Краснодона. Но из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, это — руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации».

Упрек, содержащийся в статье, должен был навести художника на серьезные размышления. Не менее важным оказалось и то, что многочисленные свидетельства, сначала устные, затем печатные, постепенно воссоздавали подлинную картину огромной работы «старшего» подполья Краснодона. В материалах, собранных ЛКСМУ, в статье секретаря Ворошиловградского обкома Гаевого были названы имена Лютикова и Баракова, Полины Соколовой и многих других. Работая над «Молодой гвардией», А. Фадеев вообще боялся упустить хоть один поступок, вошедший в общий подвиг, общую эпопею молодогвардейцев. И он, естественно, не мог оставить

ся равнодушным к новым, неизвестным ему ранее фактам — к тому, что юных героев Краснодона вело за собой взрослое подполье, что в общей борьбе, общем подвиге отдали свою жизнь не только герои-комсомольцы, но и герои-коммунисты.

Над второй редакцией романа А. Фадеев работал почти три года. Она появилась отдельным изданием в 1951 году.

«Старшие» — Лютиков, Проценко, его жена Екатерина Павловна — обрисованы в романе сейчас, когда существует вторая его редакция, с несомненной глубиной и основательностью.

Более того, в том, как рисует автор внешний облик Филиппа Петровича, в речевой характеристике его, во всех его действиях чувствуется любовное, но и чуть почтительное отношение А. Фадеева к своему герою.

В декабре 1951 года автору этих строк довелось выступать на обсуждении второй редакции романа «Молодая гвардия» в СП СССР, на котором А. Фадеев не присутствовал. Через несколько дней он, во время одного заседания, прислал мне такую записку:

«Милая Евгения Федоровна,

Я очень рад, что вы оценили моего Лютикова: Ермилов прислал мне письмо, в котором — при очень положительной оценке всего — считает Лютикова несколько «общим», лишены индивидуальных черт. И, надо сказать, это меня очень огорчило: я положительно был влюблен в этого старика и писал о нем с огромным удовольствием и свободой —

А. Фадеев»¹.

Любовь, удовольствие, свобода художника в изображении Лютикова — руководителя-«педагога», прирожденного воспитателя масс — не вызывает никаких сомнений.

Но художественная, я бы сказала даже — поэтическая, сущность образа не всегда достаточно органически входит в общую ткань произведения.

Медлительность, внешняя тяжеловесность, почти будничность Лютикова переходит в поэтическое качество, сливается с общим звучанием «романа-поэмы» лишь

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 5, стр. 432.

в нескольких эпизодах — двух разговорах с Олегом Кошевым, в изображении последней его встречи с дочерью и женой.

Героическая борьба и гибель «старшего» подполья, взаимодействие подпольного и партизанского движения были жизненной правдой и должны были пайти место в романе, оспованном на реальных исторических событиях.

Мог ли А. Фадеев оставить в романе Лютикова лишь эпизодическим лицом, когда он узнал об истинной сущности и подлинной роли руководителя борьбы краснодонских патриотов?

6

Во второй редакции романа, дающей широкую картину подпольного и партизанского движения, а также военных действий Советской Армии, героев стало еще больше.

Между тем в критике и на читательских конференциях А. Фадееву нередко ставили в упрек именно «перенаселенность» уже первой редакции романа героями, из которых многие не охарактеризованы достаточно полно.

Упрек этот А. Фадеев признавал правильным. Несомненно, с точки зрения «мастерства» было бы лучше слить нескольких реальных людей в один образ, передать участие в том или ином деле из рук одного героя в руки другого.

Но для А. Фадеева — художника-коммуниста — некоторые соображения этического порядка оказались более существенными, чем резонные требования чисто литературной технологии.

10 января 1947 года автору этих строк довелось сделать вступительное слово на встрече А. Фадеева с комсомольским активом Куйбышевского района Москвы, посвященной обсуждению романа «Молодая гвардия». В своем ответе ряду выступавших товарищей А. Фадеев остановился на вопросе о «перенаселенности» своего романа.

«...В художественном произведении, — говорил он, — так же как и в доме или в квартире, на каждого героя полагается определенная жилищная площадь: нужно

иметь время и место для того, чтобы его охарактеризовать и показать в действии. И вот, с точки зрения чисто профессиональной, мне в этом романе следовало бы вывести гораздо меньше действующих лиц. А существо дела при этом условии можно было бы выразить полнее. Но отличие этого романа от многих других в том, что я не имел ни возможности, ни права «сократить» своих героев...

С точки зрения чисто художественной, профессиональной, я мог бы сделать не два образа — Виктора Петрова и Анатолия Попова, а сделать один образ, полнее и всестороннее охарактеризовав его. В реальной жизни Попов и Уля Громова были соседями и оба руководили первомайским кружком, — очевидно, мне больше нужен был именно Анатолий Попов. Но я не имел права «устранить» из романа Виктора Петрова, который играл такую большую роль в освобождении пленных красноармейцев. Нехорошо было бы по отношению к памяти этого юноши, погибшего вместе со своими товарищами, приписать его дело и подвиги кому-то другому.

Мне, как художнику, можно было бы не выводить в романе образ Евгения Мошкова. Но я не имел права забыть о нем, потому что Женья Мошков был одним из руководителей «Молодой гвардии» и директором клуба, который был создан молодежью. Он был одним из первых арестован и на допросах держался с беспримерной стойкостью.

Было бы преступлением перед памятью Мошкова, если бы его не было в романе.

Если уж я взял за правило выводить реальные фигуры молодогвардейцев, было бы нехорошо и перед их памятью, и перед их родителями, если бы я зачеркнул сделанное ими и приписал это другим.

Так и получились в романе — с точки зрения чисто художественной — «лишние» действующие лица. И каким бы ни обладал я мастерством и опытом, но все равно я не имел бы ни времени, ни возможности, ни места для того, чтобы показать всех действующих лиц полнокровно. В то же время я не имел права их устранить»¹.

Я думаю, что тем же внутренним уважением к памяти реальных героев объясняется и столь обстоятельное

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 397—398.

изображение всех дел «старшего» подполья, всех перипетий диверсионной работы Лютикова и Баракова на краснодонских шахтах, не имеющей прямой связи с основной для сюжета романа деятельностью «Молодой гвардии».

Быть может, наиболее общее и точное объяснение неизбежной «перенаселенности» всякой книги, которая повествует о подвигах и гибели живых, реальных героев, дал автор «Репортажа с петлей на шее».

«Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Помните: не было безымянных героев. Были люди, у каждого было свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут близки вам, как друзья, как родные, как вы сами.

Тысячи героев пали. Полюбите хотя бы одного из них, как родного сына, родную дочь, гордитесь им, как великим человеком, который жил будущим. Каждый, кто был верен будущему и умер за то, чтобы оно было прекрасно, достоин памятника».

7

Длительная «неуловимость» «Молодой гвардии» для фашистских захватчиков объясняется не только умным руководством старших, но и политической зрелостью и бесстрашием «младших», воспитанных советским обществом для больших дел.

Фашисты, даже и тогда, когда они напали на след молодогвардейцев (хотя факты народного сопротивления, народной мести в Донбассе были бесчисленны), все же не могли догадаться, что красные знамена, развешенные в городе в день Октябрьской революции, поджог биржи труда, где сгорели все списки, подготовленные для угона советских людей в Германию, освобождение советских военнопленных из лагеря, казнь предателя и многое другое,— все это сделано руками мальчиков и девочек — школьников или вчерашних школьни-

ков Краснодона. Да, в изображении А. Фадеева они и остаются мальчиками и девочками. Юношеская застенчивость в любовных отношениях, юношеское самолюбие, юношеское умение радоваться минуте отдыха, дружескому общению, неистребимая любовь к жизни, которую они проносят вплоть до последнего страшного дня,— все это свойственно самым закаленным бойцам «Молодой гвардии». По-детски объясняются друг другу в любви — говоря о чем угодно, кроме своих чувств,— Ваня Земнухов и Клава Ковалева в последний день эвакуации Краснодона, по-детски самолюбиво утверждает свою девичью власть над Сережкой Тюлениным Валя Борц. Как маленькие, играют в «барина» и «банщика» Ваня Земнухов и Сережка Тюленин в ночь после казни предателя Фомина, по-ребячьи рисуется перед девушками своей разочарованностью Жора Арутюнянц. Да, все они дети. Но они и взрослые! Взрослые опытом своего народа и Коммунистической партии, взрослые силой своего гнева, тем сочетанием любви к добру и беспощадности, которое было самой сущностью, «душой» всей деятельности молодогвардейцев, всей борьбы советского народа против фашистских захватчиков.

В романе А. Фадеева торжествуют советский человек и воспитавшее его общество, торжествует нравственная сила, торжествует жизнь. Поэтому книга его — книга большого жизнелюбия, веры в жизнь, гордости. Но это и книга большого гнева и скорби.

Первая встреча комиссара «Молодой гвардии» Олега Кошевого и Николая Сумского — организатора группы в поселке Краснодон, «конспиративная» игра в шахматы: «Все внимание их было поглощено игрой, лишь время от времени они как бы вскользь обменивались репликами такого содержания, что человек неискушенный мог бы подумать, что он имеет дело с закоренелыми злодеями.

Сумской. Там на станции сыпной пункт... Как только свезли зерно первого обмолота, Коля Миронов и Палагута запустили клеща...

Молчание.

Кошевой. Хлеб убрали?

— Заставляют убирать... Но больше стоит в скирдах и сулонах: нечем обмолотить и вывезти.

Молчание.

Кошевой. Скирды надо жечь...

Сумской. Извини, коли не так спрошу: этого подвесили не без вашего участия? (Речь идет о казни предателя Игната Фомина.— *Е. К.*)

Кошевой. Кто его знает.

— Хорошо-о,— сказал Коля с явным удовольствием.— Я думаю, их вообще стоит больше убивать, хотя бы просто из-за угла. И не столько холоуев, сколько хозяев.

— Абсолютно стоит. Они живут беспечно».

А вот другой эпизод: Олег Кошевой, Ваня Туркенич, Сережка Тюленин, истребив фашистскую охрану автоматными очередями, рассеивают по степи угоняемые в Германию колхозные стада.

«Ребята бежали вслед, и там, где грудилось по несколько десятков голов, стреляли по скоту. Вся степь наполнилась выстрелами, мычаньем и ревом скота, топотом копыт, хлопаньем бичей и страшными и жалобными криками людей. Иной бугай, подстреленный на бегу, вдруг останавливался, медленно подгибал передние ноги и грузно падал вперед, на ноздри. Подстреленные коровы, мыча, подымали свои прекрасные головы и снова бессильно опускали их. Вся местность вокруг покрылась тушами, красневшими в тумане на черной земле...»

«...Ездили мы тогда с отчимом,— вспоминает Олег на обратном пути.— Знаешь, Днепр, солнце, стада огромные в степи... И кто бы мог тогда подумать, что я... что мы...— Олег опять сморщился, как от боли, махнул рукой и молчал уже до самого дома».

Горькое и грозное «зачем?» звучит во всех главах романа.

Зачем четырнадцатилетний Радик Юркин должен начать свой жизненный путь с недетской работы — казни предателя, полицака Игната Фомина? Зачем Клава Ковалева должна соединиться с любимым — Ваней Земнуховым — только в ночь перед казнью, когда любимый уже не приходит в сознание после пыток? Зачем Валько и Григорий Ильич Шевцов должны были своими руками взорвать красавицу шахту № 1-бис? Зачем руки нынешних и будущих строителей, чистые и сильные, должны, обязаны истреблять те богатства, которые тяжелым творческим трудом накопил советский народ? Почему дети, подростки вынуждены не

только уничтожать материальные ценности, но и учиться «больше убивать» фашистских хозяев?

Литература в странах капитализма и до наших дней вновь и вновь возвращается к временам второй мировой войны, борьбы против фашистских захватчиков. Причем в среде литераторов зарубежных стран существует большое количество «непротивленцев» — от прямых хулителей исторической активности народа до сторонников «признания» этой активности как — одновременно — неизбежной и преступной. Согласно такой концепции, всякое применение насилия в равной мере разрушает духовную природу «победителя» и «побежденного», независимо от того, защищал ли победитель правое или неправое дело.

Об этой гуманистической абстракции, которая объективно оборачивается защитой самых черных сил современности, очень точно сказал несколько лет назад в своей речи о Толстом Леонид Леонов, художник, весьма остро ощущающий конкретно-историческое воплощение «вечных» вопросов и противоречий. «Не только у нас отмечается сегодня память Толстого, и, может быть, в этот самый час где-то и чей-то озлобленный ум постарается набором подобранных толстовских цитат нанести моральный урон нашей родине, к которой Лев Толстой всей своей сущностью принадлежал и которую так возвеличил. Наверно, нападки эти последуют именно с позиций так называемого толстовского христианства — развитой Толстым евангельской строки о непротивлении злу насилием, которая сблизила толстовский гуманизм с гораздо более древним нравственным кодексом, зародившимся в одной благословенной стране вечного лета, вдалеке от наших северных стуж и ненастий, под защитой высочайшей горной стены мира... С таким же осуждением будут помянуты, конечно, и неминуемые этапы, через которые в этом грешном, запятнанном мире проходила социалистическая революция, без которой, кстати, такая пестрая сегодня, радужно-веселая карта колониальных Азии и Африки доньше была бы покрашена в два-три унылых европейских тона. Ни в одном из упомянутых почтенных источников не указано, однако, как и чем следует живым защищать свои гнезда и детишек от столь неутолимого злодейства, от вчерашнего дня, который, судя по всему, не прочь бы зверски хлопнуть дверью, навсегда покидая

планету. В этих условиях держаться непротivления можно только в случае, если кто-то другой, большой и отважный друг, возьмет на себя грех и подвиг сопротивления всемирному злу во имя всех униженных и угнетенных на свете»¹.

«Гуманизму» пацифистов и непротivленцев всех мастей протivостоит в «Молодой гвардии», как и во всех лучших произведениях советской литературы, наше, социалистическое понимание истинной человечности. От столкновения со злом, от борьбы с ним в каждом советском человеке и человеческих отношениях рождается новое, лучшее — «добро».

Крепче, прекраснее, выше становится близость Олега Кошевого с матерью, еще светлее и нежнее любовные отношения между юношами и девушками, еще глубже и самоотверженнее дружба. Это великое торжество социалистического гуманизма, добра, которое цветет, несмотря на кровь и грязь, и побеждает смерть, — и составляет самое глубинное содержание «Молодой гвардии».

Страх перед любым видом насилия неизбежно — если не «в тексте», то «в подтексте» — не только отрицает, но и осуждает подвиг. И протiv такого «понимания» человечности — во имя миллионов живых и мертвых, освободивших мир от фашистской заразы, — обращено в романе прославление чистых рук и чистой совести тех, кто с помощью насилия борется за свободу и счастье родины и народа.

Весь гнев на то, какой ценой куплено торжество советского человека, поднявшегося в борьбе протiv фашистской агрессии во весь свой исполинский рост, боль за страдания, кровь, смерть миллионов сыновей и дочерей советского народа, за вынужденную беспощадность, за гибель плодов труда советских людей А. Фадеев вложил в изображение врагов — фашистских захватчиков и тех предателей и отщепенцев, которые либо признали их за хозяев, либо свою жизнь оценили выше, чем жизнь товарищей, народа, страны.

Есть та мера нравственного уродства и преступлений, которая уже не требует авторского комментария или внешнего выражения чувств для того, чтобы быть

¹ Леонид Леонов, Слово о Толстом, Гослитиздат, М. 1961, стр. 20—21.

раскрытой. Потому, что нет на человеческом языке таких слов, нет таких проклятий, которые были бы хоть сколько-нибудь «адекватны» предмету, о котором идет речь. В образах врагов, данных в романе А. Фадеева, есть то абсолютное моральное отрицание их, которое свойственно и героям книги.

Фашисты и их прихвостни для А. Фадеева — это те двуногие живые существа, которые в русском языке определяются словом «нелюди».

Несомненно, ощущение врага как «выродка» живет в романе «Молодая гвардия». Но чем спокойней автор, чем меньше ощущается открытая ненависть его, чем больше в его гневе «научной объективности», тем ярче и убедительнее становится само изображение. Генерал фон Венцель, ненадолго вселившийся в квартиру Кошневых (семья вытеснена на кухню и в сарайчик), не мучает и не оскорбляет хозяев. Он их просто не замечает, как случайно оставшихся под полом мышей или жучков-древоточцев в стенах.

Генерал, «старый, морщинистый, с чисто промытым лицом и кадыком», почти автомат по размерности действий и «стабильности» привычек, на мой взгляд, более убедительно воплощает в себе особенности фашистского нового порядка, «орднунга», чем гауптвахтмейстер Брюкнер или эсесовский палач унтер Фенбогг.

«Орднунг», введенный в Краснодаре, почти «иррационален» в своем автоматизме, в своем нежелании считаться с реальной действительностью. «При «новом порядке» в Краснодаре образовались такие же «сливки общества», как в каком-нибудь Гейдельберге или Баден-Бадене, — целая лестница чинов, положений. На вершине этой лестницы стояли гауптвахтмейстер Брюкнер, вахтмейстер Балдер и глава дирекциона лейтенант Швейде. Привыкший работать в раз навсегда определенной и со всех сторон предусмотренной чистенькой обстановке немецких предприятий, он сам не заметил, как превратил в своеобразную программу хозяйствования высказанное им когда-то Баракову недоуменное по поводу положения дел в подведомственных ему предприятиях. В самом деле, если рабочих нет, механизмов нет, инструментов нет, транспорта нет, крепежного леса нет, да и шахт-то, собственно говоря, нет, то в таком случае и угля нет. И он аккуратно исправлял свою

должность только в том смысле, что регулярно по утрам проверял, дают ли русские конюхи овес немецким лошадям дирекциона, и подписывал бумаги. Остальное время он с еще большей энергией посвящал собственному птичнику, свиноводству и коровнику и устройству вечеринок для членов немецкой администрации.

Немного пониже на ступеньках этой лестницы стояли Фельднер, заместитель Швейде, обер-лейтенант Шприк и зондерфюрер Сандерс в своих трусиках. Еще ниже — начальник полиции Соликовский и бургомистр Стаценко, очень солидный, пьяный с утра, в определенный час шагавший с зонтиком по грязи в городскую управу и так же аккуратно возвращавшийся из нее, будто он действительно чем-то управлял. А на самом низу лестницы находился унтер Фенбонг со своими солдатами, и они-то все и делали».

«Новый порядок» в своих организационных формах (администрация, городское управление) — это чистая фикция, «ложь и обман», а правда его — это унтер Фенбонг в черном мундире с черепом и костями на рукаве и его эсэсовцы, — это ограбление города и района, отправка в рейх людей, скота, зерна, это мучительство и убийство тех, кто пытается помешать грабежу и насилию. Может быть, во внешнем, физическом обличии Брюкнера или Фенбонга автор слишком настаивает на чертах патологического уродства: черные геморроидальные мешки под глазами, низко опущенное круглое брюхо, бабий голос, дурной запах — все это появилось от несколько прямолинейного стремления дать «адекватную» физическую форму моральному уродству наиболее злостных фашистских захватчиков.

Поэтому более «личное» чувство гнева и ненависти вызывают как раз персонажи, лишенные этих внешне омерзительных примет, такие, например, как Игнат Фомин. Нет, человек незаметной внешности, «человек-невидимка» ничем не выделялся из массы советских людей. Странные глаза, неподвижные, как у змеи, спрятанные в складках кожи? Но разве это основание для того, чтобы не доверять честному и исполнительному рабочему?

Длинный, молчаливый предатель и полицай, пожалуй, и после оккупации уже не так выделяется на общем фоне фашистских палачей и местных предателей. Но художник, несколькими чертами воссоздав его

внешний облик, кратко сообщив о преступлениях его, сумел сделать его как бы воплощением предательства. И дело тут не только в самом Фомине, а еще и в том, что по его следу, сначала тревожась и сомневаясь, затем уже все поняв, идет Сережка Тюлепин — «месть с босыми ногами», тоже как некое воплощение народной ненависти к предательству.

Того, кто предал молодогвардейцев в действительности, — Почепцова — в романе нет. Его преступление стало известно лишь в 1961 году.

В книге существуют Вырикова и Лядская, соученицы многих молодогвардейцев по школе имени Горького, чья трусость и стремление оградить себя от возможных неприятностей во многом помогли фашистской комендатуре и полиции¹. А. Фадеев в романе изображает их лишь как обывательскую накипь, как «производственный брак» в советском обществе. *Активного* желания предать и погубить, ненависти к Советской власти у них нет. Вырикова даже пытается уйти от оккупантов, эвакуироваться из города. Она же — по-своему — пытается помочь одной из своих товарок по школе — Вале Филатовой. — учит ее притвориться больной, чтобы избежать угона в Германию и остаться в городе на хлебной работе при оккупантах. Но и Вырикова и Лядская так уверены, что не только их жизнь, но и их удобства, более или менее сытный и сладкий кусок важнее, чем судьба или даже возможная гибель людей, что, браня и оскорбляя друг друга, поминая друг другу все «грехи» участия в общественной жизни школы, они, походя, выбалтывают в полиции имена школьных активистов и комсомольцев.

Сложнее обстоит дело со Стаховичем. В действительности члена штаба «Молодой гвардии» под такой фамилией не было².

Стахович — образ вымышленный.

Комсомолец-активист «по форме», по содержанию же — он всего лишь «имитация» советского молодого человека.

¹ Как выяснилось впоследствии, Вырикова предательницей не была.

² Седьмым членом штаба был Виктор Третьякевич. Будучи арестован, как и другие руководители организации, он был с провокационной целью оклеветан фашистами. Доброе имя его было посмертно восстановлено лишь в 1961 году.

«...Он был из породы молодых людей, с детских лет приближенных к большим людям, испорченных постоянным заимствованием некоторых внешних проявлений их власти в такое время его жизни, когда он еще не мог понимать истинного содержания и назначения пародной власти и того, что право на эту власть заработано этими людьми упорным трудом и воспитанием характера.

Способный мальчик, которому все давалось легко, он был еще на школьной скамье замечен большими людьми в городе, замечен потому, что братья, коммунисты, тоже были большие люди. С детства вращаясь среди этих людей, привыкнув среди своих сверстников говорить об этих людях, как о равных себе, поверхностно начитанный, умеющий легко выражать устно и письменно не свои мысли, которых он еще не сумел выработать, а чужие, которые он часто слышал, он, еще ничего не сделав в жизни, считался среди работников районного комитета комсомола активистом. А рядовые комсомольцы, лично не знавшие его, но видевшие его на всех собраниях только в президиуме или на ораторской трибуне, привыкли считать его не то районным, не то областным работником. Не понимая истинного содержания деятельности тех людей, среди которых он вращался, он прекрасно разбирался в их личных и служебных отношениях, кто с кем соперничает и кто кого поддерживает, и создал себе ложное представление об искусстве власти, будто оно состоит не в служении народу, а в искусном маневрировании одних людей по отношению к другим, чтобы тебя поддерживало больше людей.

Он перенимал у этих людей их манеру насмешливо-покровительственного обращения друг с другом, их грубоватую прямоту и независимость суждений, не понимая, какая большая и трудная жизнь стоит за этой манерой. И вместо живого, непосредственного выражения чувств, так свойственного юности, он сам был всегда нарочито сдержан, говорил искусственным тихим голосом, особенно если приходилось говорить по телефону с незнакомым человеком, и вообще умел в отношениях с товарищами подчеркнуть свое превосходство.

Так с детских лет он привык считать себя незаурядным человеком, для которого не обязательны обычные правила человеческого общежития».

Евгений Стахович субъективно считает себя человеком, преданным Советской власти. Но в условиях острейшей борьбы, требующей абсолютной цельности характера и ясности позиции, «человек-имитация» неизбежно и быстро идет к катастрофе. Изворотливый ум, поставленный на службу своему эгоизму, в трудных обстоятельствах всегда подсказывает внешне разумные и даже, казалось бы, морально приемлемые, но по существу подлые решения.

Именно так — внутренне обманывая себя — пытается Стахович после провала вести игру с гестаповцами. Но враги тут же догадываются, с кем имеют дело, и Стахович, получивший права советского гражданина даром, в решающий час отказывается от его обязанностей. Ему *нечем* бороться с «новым порядком».

В «Молодой гвардии» сталкиваются не только люди и не люди, но и две государственные системы, две общественные формации. «Новому порядку» противостоит великая сила коммунистической организации.

Даже в начале романа, в горькие дни лета 1942 года, за картинами внешнего, временно и пространственно ограниченного «беспорядка», Фадеев все время дает почувствовать читателю «подспудную» или прямую организованность, волю и разум партии и государства, управляющие этим огромным и сложным движением. Эти разум и воля — и в неуклонном движении эшелонов, эвакуирующих промышленность и учреждения на восток, они и в отрядах автоматчиков, прикрывающих переправу на Донце, и в тех людях, которые в последние дни эвакуации Краснодона сидят в уже пустом райкоме, уточняя план борьбы в тылу у противника, связывая его с действиями армии. Проценко — организатор партизанского движения, Лютиков — глава подпольной работы Краснодона, генерал — командующий частями, оборонявшими район, — все они, оставаясь сами собой, вместе с тем становятся и как бы воплощением разных аспектов великой силы организации.

Пафос исторического разума, большевистской организованности звучит и в лирических отступлениях автора, например, в маленьком гимне завхозу в шестой главе романа, и особенно в предсмертной тюремной беседе Валько и Шульги, беседе-исповеди, где «райкомщик» и «хозяйственник» не только вспоминают, но и

по-новому осмысливают весь путь Советского государства, который был и их путем.

Сила организации, стремление вмешаться в человеческую жизнь и деятельность, сделать ее более целесообразной, стремительной, совершенной, наполнить ее новым содержанием — живет в советских людях уже как неотъемлемое свойство. Вот почему стремление врага не только ограничить, но и подавить это *основное* в советском человеке вызывает *неодолимое всенародное* сопротивление.

И в «партизанских», и в «военных» главах «Молодой гвардии» возникают образы солдат, младших командиров, партизан, рядовых колхозников, которые все — каждый сверх меры сил, — ежечасно рискуя жизнью, включены в великую, организованную борьбу против врага.

И здесь, наряду с героями, косвенно участвующими в одном или двух эпизодах («умнесенька жинка» Марфа Корниенко, Галя Корниенко и дед Фома), появляется, как высшее, горькое и прекрасное воплощение этого подспудного, от самых глубин идущего сопротивления народа, — младший представитель честного племени Корниенок — двоюродных, троюродных, четвероюродных сестер, братьев, дядьев и теток, свекров и снох, невесток, бабок и дедов, рассеянных по всему Донбассу.

Это — Сашко Корниенко, знаменитый в партизанских отрядах проводник через фронт наших людей, посланных на Большую землю.

Образ десятилетнего человека, профессией которого стала постоянная тяжкая работа под угрозой пыток и смерти, крепко связывает «партизанскую» линию романа с основной, «молодежной» его линией.

Но дело не только в этом. Сашко — проводник Екатерины Павловны Проценко из партизанского района через фронт — встает как бы на стыке двух изображенных в романе потоков народной борьбы — в тылу врага и на фронте.

К своему герою — десятилетнему солдату-разведчику — автор подходит не с умиленной жалостью, а с великим уважением, с той любовью, которая стала выше внешних проявлений чувств. Сама скупость, строгость в обрисовке героя, несколько даже необычная для общей тональности романа, как бы несет на себе отсвет той материнской любви Гали Корниенко, которая тоже

стала выше нежности и ласки и лишь, как щит, прикрывает сына там, где его можно прикрыть.

Десятилетний Суворов, объяснив жестами Кате — единственному своему солдату — предстоящий «маневр», будет искать проход, взяв всю опасность на себя, а Катя, дожидаясь, вдруг увидит в снегу воронку от снаряда — нашего снаряда, потому что «легла вывороченная земля больше на одну сторону, — как раз на ту сторону, откуда пришли Сашко и Катя».

«Наши близко! Они — рядом! Какими словами передать чувства этой женщины, пять месяцев проведенной вдали от детей своих, в борьбе непрестанной, страшной, с непокидающей мечтой о той минуте, когда окропленный кровью Человек в шинели вступит на поруганную врагом родную землю и раскроет свои братские объятия? С какой силой рванулась измученная душа ее к нему, к Человеку, который был сй в эту минуту ближе, чем муж или брат!»

Широкой стратегической картины боев в романе пет. «Военные» главы доносят до читателя лишь дыхание грядущей победы. Отсвет битвы на Волге осеняет роман, катятся навстречу Екатерине Павловне — на пути ее в штаб командования — мощные колонны советских танков, работают в штабах бессонные, усталые командиры. В их внешнем облике, действиях, самоощущении раскрыто то новое, что появилось в советских людях на переломе войны. Они — солдаты армии-победительницы, и сами это знают, они перешли в новое качество, новый «класс» человеческой истории.

В военные главы вводит читателя вместе с Катей Проценко десятилетний боец Сашко. Сами же военные главы, где во весь рост встает «Человек в шинели», освобождающий родную землю, предшествуют главам о последней борьбе и последних подвигах «Молодой гвардии».

У главных героев «молодой» линии есть в романе своя довоенная предыстория. И Уля Громова, и Любка Шевцова, и Олег Кошевой, и Сережка Тюлений, и Ваня Земнухов — каждый по-своему уже в отрочестве идет к той мобилизации всех сил характера, о которой и повествует роман.

Даже и в условиях социалистического общества характер формируется по-разному. Развитие Олега или Вани Земнухова — это постепенное и плавное накопление внутренней силы, и оно совершается в них обоим без резких колебаний и «скачкообразных» переходов. Но уже становление характера Ули Громовой протекает сложнее. Великое, действенное желание уже сейчас, сию минуту видеть жизнь и людей совершенными во всем порою толкает ее на несправедливые суждения о сегодняшнем неизбежном несовершенстве.

Путь к подвигу Любы Шевцовой тоже свой. Те «играющие силы», которые кидают ее то к одному, то к другому решению будущей своей судьбы, собираются в фокус лишь тогда, когда она становится на путь борьбы с фашистскими оккупантами.

Любка-«доктор», каким она воображала себя в детстве, Любка-Чапаев в играх ее отрочества, даже Любка-артистка, звезда Краснодарской эстрады, — все это лишь подступы, лишь поиски подлинного своего «воплощения».

«Настоящее», где слились и «страшная сила самопожертвования», и «безумная отвага», и «чувство детского пронзительного счастья», нашло свое высочайшее выражение в подвиге, приведшем Любку-артистку к гибели и бессмертию.

А. Фадеев, отчасти передавая восприятие Сережки Тюленина, отчасти и от себя, говорит, что «Любка Шевцова — это Сергей Тюленин в юбке». Некоторый резон в таком определении есть. И все же, при всем обаянии Любы, даже и она уступает Сережке — самому убедительному из героев книги.

Да, какую бы симпатию, интерес, волнение ни вызывали у читателя образы всех «молодых», совсем особое чувство охватывает его с той минуты, когда, скребясь, как кошка по забору, через борт грузовика, на котором едут с полевых работ школьники Краснодона, ночью, на ходу, перелезает Сергей Тюленин. И дальше это чувство уже не покидает читателя. Рассказывает ли Сергей любимой сестре Наде о первом своем пребывании на фронте, швыряет ли он — еще до вступления в подпольную организацию — бутылку с горючей смесью в открытое окно немецкой штабквартиры, бежит ли он после этого по парку, с неописуемым торжеством повторяя набор слов из немецкой грамматики, требует ли он у шта-

ба «Молодой гвардии» санкции на казнь Игната Фомина — везде он одинаково живой рабочий подросток и герой советского народа.

Сам А. Фадеев на одной из читательских конференций объяснял свою признанную читателями удачу тем, что Сергей — человек прямого действия и что поэтому его изобразить легче, чем другие, менее броские характеры.

Думаю, что это справедливое мнение все-таки остается лишь первым и самым внешним объяснением художественной силы образа. Более глубокая причина связана с вопросом о том, как изображает А. Фадеев советских людей, как, какими средствами создан в романе «образ-видение» (Маяковский) советского человека в годы военных испытаний.

Мастерство А. Фадеева всегда было па редкость целесообразным: он был одним из самых убежденных посетителей «начала разума» в творческом процессе.

В этом — большая сила, хотя в ней и таятся многие опасности.

«Образ-видение» всего романа бесспорен. Нравственная и жизненная сила, веками копившаяся в трудовом народе, перешла в новое, еще более действенное качество за годы существования Советской власти. И эта сила дала возможность старшим поколениям принять на себя титанический труд построения советского общества и защиты его от врага. И эта же сила дала возможность младшему поколению советских людей, которому завоеванные отцами права советского гражданина достались по наследству, принять в тяжелый час на свои полудетские плечи его обязанности и нести их через опасности, мучения и смерть.

На одной из читательских конференций кто-то из выступавших сказал — в упрек автору, — что в романе все герои обладают уж очень красивой внешностью.

А. Фадеев весело, но решительно отвел этот упрек. Кивнув в сторону Вали Борц, которая находилась среди присутствующих, он сказал, что даже ее он не назвал в романе красивой, «хотя серьезные основания для этого имелись».

Красивыми в романе из девушек изображены лишь Уля Громова и Люба Шевцова, но ведь это строго соответствует действительности.

«Всех остальных — и девушек и юношей — я изображаю с вполне естественным чувством любви к ним, — вот вам и кажется, что все они красивы. Чем же «красив», например, Сережа Тюлений? Я этого нигде не говорю. У него душа красивая!»¹

Конечно, А. Фадеев был прав. Он не создавал в своем романе некоего заповедника красавцев и красавиц. Он лишь продолжил ту традицию русского и мирового искусства, носители которой умели сделать эстетически прекрасным все человечески высокое и морально чистое. Традиция эта глубочайшими корнями своими уходит в народную, устную литературу — родоначальницу письменной. Народному творчеству — эпосу, сказке, песне — свойственна заранее данная, не нуждающаяся в дополнительных аргументах уверенность в том, что носитель добра и красоты в человеческом обществе — это человек труда. Труд этот может быть мирным или бранным, служить созданию материальных ценностей или защите родины, но положительный герой народного творчества — труженник, созидатель, защитник жизни — либо прекрасен внешне, либо таит свою красоту под временно скрывающей ее личиной. Традиция эта, с такой отчетливостью проявившаяся в творчестве Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, на новой основе развилась в искусстве социалистического реализма.

Вот почему в «Молодой гвардии» физически прекрасны не только Уля или Люба, не только Олег Кошевой, который и появляется перед читателем почти как юноша Ахилл, как фигура с фресок Микеланджело, остававшаяся в беге взбесившихся коней. В изображении А. Фадеева прекрасны и старческие руки Александры Васильевны Тюленийой, и «воловы» очи Матвея Шульги, и тяжелое, оплывшее книзу лицо Филиппа Петровича Лютикова, когда он, накануне неминуемого ареста, «празднично одетый, веселый, немножко, может быть, более добрый и разговорчивый, чем к этому привыкли», проводит последний вечер с дочерью и женой.

Также с любовью, ощущая прежде всего «красивую душу» героя, раскрывает А. Фадеев и внутреннее богатство, высокую интеллектуальную и моральную культуру советских людей.

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 399.

Эта высокая душевная и интеллектуальная культура героев книги, молодых и старых, получивших и не получивших образование, проявляется в непрерывной органической потребности — самостоятельно мыслить о самом главном в жизни народа и страны, в умении нащупать самую сущность события или положения и сделать из этого практические выводы. Моральная культура, «эмоциональная грамотность» героев книги заключены не в особо утонченных чувствах и любовании ими, а в богатом и глубоком восприятии людей, жизни, природы, искусства. в том чутком отношении, в том взаимном уважении, которыми пронизана дружба, любовь, товарищество советских людей.

Объяснение Олега Кошевого с матерью в ту ночь, когда она догадывается, что он руководит подпольной организацией, Уля Громова, читающая девушкам «Демона» в фашистском застенке, предсмертный разговор Шульги с Валько, десятки других сцен и событий раскрывают в романе эту высокую культуру и внутреннее богатство советского человека.

Уже первые слова Ульяны Громовой, которыми открывается книга, как камертон, определяют многое в ее будущем звучании.

«— Нет, ты только посмотри, Валя, что это за чудо! Прелесть! Точно изваяние... Ведь она не мраморная, не алебастровая, а живая, но какая холодная! И какая тонкая, нежная работа,— человеческие руки никогда бы так и не сумели. Смотри, как она покоится на воде — чистая, строгая, равнодушная... А это ее отражение на воде — даже трудно сказать, какая из них прекрасней. А краски? Смотри, смотри, ведь она не белая, то есть она белая, но сколько оттенков — желтоватых, розоватых, каких-то небесных, а внутри, с этой влагой, она жемчужная, просто ослепительная,— у людей таких и красок и названий-то нет!..

Так говорила, высунувшись из ивового куста на речку, девушка с черными волнистыми косами, в яркой белой кофточке и с такими прекрасными, раскрывшимися от внезапно хлынувшего из них сильного света, повлажневшими черными глазами, что сама она походила на эту лилию, отразившуюся в темной воде».

Несомненно, и самый образ девушки, и произнесенные ею слова — прекрасны. Но художественная правда этого образа — особая. Потому что рост девушки здесь

помножен на исполинский рост родившего ее великого народа. И словами о лилии «чистой, строгой, равнодушной» передал *ощущение* Ули большой и опытный художник.

Если социалистический реализм за последние годы подвергается особо энергичным нападкам как буржуазных идеологов, так и ренегатов всех мастей, то особую ярость зарубежных хулителей гуманистических и героических традиций нашей литературы вызывает та правда прямого изображения «человека, вставшего во весь свой исполинский рост», которая связана с революционно-романтическим началом метода нашей литературы.

Революционно-романтическое начало, конечно же, ощущается в «Молодой гвардии» гораздо отчетливее, чем во всех других произведениях А. Фадеева. Несомненное умение «стереть случайные черты» и осветить ярким светом самое главное в характере человека, поступках, событиях по-разному проявилось в «Разгроме» и «Молодой гвардии».

Да, и в «Разгроме» есть страницы, исполненные высокой патетики, и, читая «Разгром», мы забываем порой о том, что Метелица — рябой, а Морозка — кривоногий. Мы помним только, какая легкая сила живет в теле удалого комвзвода, видим Морозку, который, «как свечечка», сидит на своем коньке Мишке.

Но утверждение красоты подвига и человека, совершающего подвиг, неразрывно связано в «Разгроме» с разоблачением «лжекрасивости», «лжеромантизма» мечиковского толка, рожденного стремлением все видеть в жизни не таким, как оно есть, а таким, каким он — «лжеромантик» — хотел бы видеть.

Вот почему мудрость Левинсона (в изданиях романа, вышедших до 1947 года) укладывалась в жесткую формулу: «видеть все, как оно есть, для того, чтобы изменить то, что есть, и управлять тем, что есть».

Ненависть к «лжеромантизму» вызывала у Фадеева в его молодые годы и настроенное отношение ко всякому романтизму, к словам, открыто и непосредственно выражающим чувства героев, их любовь, их верность высоким идеалам. Слишком часто присяга высоким и весьма «обобщенным» идеалам бывала в годы революции и гражданской войны всего лишь «системой фраз», прикрывающих прямую контрреволюцию или обывательскую трусость. С годами взгляды Фадеева на

романтизм и революционно-романтический пафос стали постепенно изменяться. И не просто с годами, а — с ходом самой жизни! Осуществление того будущего, за которое боролись герои «Разгрома», сила и жизненность новых социалистических отношений побудили художника к тому прямому — «во весь голос» — утверждению правды партии, коммунизма, советского характера, какое заключено в «Молодой гвардии».

Вот почему в редакции «Разгрома», появившейся после создания «Молодой гвардии», стало несколько иным и определение той нелегкой мудрости, к которой через весь свой опыт пришел Левинсон. «Видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, приближать то, что рождается и должно быть».

Я не знаю, хотел или не хотел А. Фадеев спорить своим романом с иным видением и изображением мира и человека в военных книгах своих современников. Но, так же как это — по-иному — было и с «Разгромом», книга его, естественно, стала спором, полемикой с проявлениями литературной «каратаевщины», со стремлением заслонить *главное* нарочито будничным и мелким. «Молодая гвардия» стала и продолжает оставаться полемикой с теми сторонниками «стоицизма» и «эстетики сдержанности», которых тоже не так уж мало среди советских литераторов. Беда создаваемых ими книг, нередко талантливых и честных, заключается в том, что нарочитый «лаконизм», некритически, «по смежности» взятый из арсенала зарубежной литературы послевоенных лет (речь здесь идет о литературе после первой и второй мировых войн), в условиях советской действительности остается без подтекста. На Западе свой подтекст был и есть. Это — страшный опыт империалистической войны 1914—1918 годов, и это еще более страшный опыт участия в войне 1939—1945 годов в качестве солдата гитлеровской армии.

Для «потерянного поколения» первой мировой войны, для некоторых западногерманских писателей наших дней опыт этот был зловещим даром, от которого невозможно избавиться и который так же невозможно освоить и претворить в жизнь. Подтекст книг такого рода — это и есть опыт, который сам носитель его ощущает, как болезнь. И «лаконизм» этих книг нередко продиктован хорошей, хотя и какой-то «невзрослой», гордостью, нежеланием выставлять напоказ свои неисцелимые

увечья, которые ощущаются как постыдные, потому что получены они на постыдной и грязной работе по всгреблению людей во имя интересов империализма, или еще того горше — фашизма.

Безусловно, «сугубый лаконизм» и революционно-романтическое «прямое действие» — это крайности, крайнее выражение двух художественных тенденций. Тот путь, каким идет в «Молодой гвардии» А. Фадеев, конечно же, не единственный для советского художника. Но мне думается, что равноправие этого пути следует защищать перед всеми его явными и тайными противниками. Верный романтической смелости, Фадеев не боится высоких слов, пафоса, непосредственного вмешательства в действие своей книги. Он не растрчивает силы и мастерство на наиболее выразительное оформление междометий с подтекстом. Его герои говорят прямо: «— Яка у тебя красивая душа, Матвий!» или: «— Прекрасная моя! Прекрасная моя! Ты же все, все понимаешь... прекрасная моя!»

А то и сам художник прямо выходит на страницы книги, чтобы перед главами, повествующими о последнем мужестве и гибели героев, вспомнить о юности своей, о друзьях своих (слитых в единый образ друга), сложивших голову за Советскую власть в дни гражданской войны.

Небо на протяжении веков было в поэзии синим. Было оно синим и в книгах эпигонов и графоманов. Самый легкий способ вернуть ему «утраченную свежесть» — это назвать его «красным», например. Но бедное летнее небо ведь все равно остается синим. И большую смелость проявляет тот художник, который своей страстью, волей, верой и мастерством вернет небесной синеве утраченную свежесть, не отказывая небу в его объективно существующей окраске.

У банальности, «общего места» есть вторая сущность, имя которой «объективная истина». И я думаю, что в «Молодой гвардии» А. Фадеев проявил большую и увенчанную победой смелость художника, возвращая в исконное состояние истины много эстетических ценностей, побывавших и в руках эпигонов и презрительно отброшенных «новаторами».

Революционная романтика, прямое изображение самой сущности советского человека, — а значит, и совет-

ского строя, — это большое дело, важный вклад в литературу социалистического реализма.

Но в таком изображении таятся и свои опасности. Романтический герой всегда очень «зависит» от автора — больше, чем герой другого плана. А так как А. Фадеев вообще художник и «сознательный», и очень властный, то в «Молодой гвардии» такая зависимость иногда становится слишком сильной... «Живая жизнь бывает запятнана многими пустяками и случайностями, — говорил А. Фадеев по поводу упрека в идеализации молодогвардейцев. — Вообще всякая повседневная жизнь полна мелочей, обыденных, скучных, случайных, которые, однако, изрядно заполняют жизнь и часто кажутся важнее, чем они есть на самом деле. Их вовсе не обязан показывать художник, совершенно не обязан. А особенно, если приходится изображать людей в сложный и острый период жизни, когда раскрываются самые сильные стороны в людях»¹.

Конечно, это справедливые слова. Но, выдвигая главные и стирая случайные черты с лица жизни, мира, человека, художник должен быть очень осторожным, чтобы не стереть и того, что кажется ненужной мелочью, а на деле является острым, неожиданным проявлением главного.

«Вымышленный», созданный художником герой «сращен» с главным в истории и жизни через все многообразие человеческих отношений, через все общественные и личные связи, через специфический для данной страны и среды образ жизни, через повседневный быт, наконец.

Формы, в которых художник передает эту «сращенность», могут быть в пределах классического и современного искусства очень разными, но для того, чтобы жизнь образа в «художественной действительности» была естественной, писатель должен точно найти меру зависимости и свободы «создания» от «создателя».

Образ Ульяны Громовой в романе прекрасен, но все же несколько «скульптурен». И окружающая ее жизнь — ее семейные связи, дружба, быт, — все это воспринимается скорее как фон, чем как почва, на которой вырастает лучшее, самое поэтичное и сильное в семье, среде, обществе.

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 400.

И в развитии характера Олега Кошевого — при всей привлекательности его — порою слишком чувствуется «направляющая рука» автора, слишком точная мера в проявлении тех или иных сторон этого характера.

Бесспорная в ощущении читателя связь между автором и героем, одновременность «дистанции» и творческого «перевоплощения» найдена в образе Сергея Тюленина. И именно это, а не только тот факт, что Сергей — «человек прямого действия», делает его самым удачным образом книги, хотя он и не главный герой, а лишь один из участников того торжества советского человека, советского строя, о котором говорит «Молодая гвардия».

Когда А. Фадеев писал свой роман, он по возрасту уже годился в отцы своим молодым героям. Это «отцовское» — вместе с памятью о своей юности и всей «юности отцов», — несомненно, чувствуется в некоторых главах романа.

И все же основная «тональность» книги — молодая. В ней живет свойственная молодости прямая сила утверждения правды — правды нашей, советской жизни, советского характера, партии, коммунизма.

Эта молодая сила прямого утверждения, воинствующее стремление прямо сказать о своей вере в победу идеалов коммунизма и дали возможность зрелому художнику и человеку раскрыть «изнутри» самое мироощущение юных героев.

Главам о последнем пути молодогвардейцев в бессмертие, о последнем подвиге их предшествует, как мы уже говорили, своеобразный Реквием — обращение к другу юных лет, погибшему в дни гражданской войны. Образ друга тоже сплавлен из черт многих людей. Это и Игорь Сибирцев, и Саня Бородкин, и многие бойцы «Особого коммунистического» или владивостокского подполья, погибшие до окончательной победы.

Вместе с главами о начавшемся наступлении нашей армии-победительницы этот Реквием как бы предваряет последний акт трагедии — смерть героев на пороге той победы, за которую они боролись.

Молодогвардейцы, их родные и близкие оставались нормальными советскими людьми, оберегающими самые основы советского самосознания и образа жизни даже в

условиях всенародной беды. Они остались такими же и после провала организации, оказавшись в руках убийц и палачей.

«Репортаж с петлей на шее» увидел свет в Праге на родном языке в 1946 году, когда «Молодая гвардия» уже была напечатана в журнале «Знамя» и «Комсомольской правде».

Но когда читаешь главу, в которой Юлиус Фучик рассказывает о «Четырехсотке» — о камере смертников-коммунистов в гестапо оккупированной Праге, — невольно поражаешься необычной близости двух произведений, начинаешь по «смежности» понимать и то, насколько «изнутри», путем не только «сопереживания», но и «перевоспложения», раскрыт в «Молодой гвардии» последний подвиг героев-комсомольцев.

Осенью и в начале зимы 1944 года мне довелось слышать многие главы «Молодой гвардии» в чтении ее автора. Мать А. Фадеева, которая жила с ним на даче почти все время, пока он писал свой роман, рассказывала впоследствии, что, когда дело дошло до последних глав, она часто слышала за дверью рабочего кабинета рыдания сына. Даже и читая уже написанные главы, Фадеев нередко был вынужден прерывать чтение потому, что у него не хватало сил снова вернуться в тот мир, где он уже побывал.

Никакого нагнетания ужасов в этих главах нет. Но действительно, не только художнику, но и читателю не легко стоять на таких высотах мужества и страдания. Самое поразительное здесь, как и в репортаже Фучика, заключается в том, что истерзанные пыткой, обреченные смерти юноши и девушки-подростки остаются в своих камерах коллективом, подчинены общим законам жизни коллектива советских людей. Взаимопомощь, общность интересов, мыслей, раздумий, коллективность организовано или стихийно найденных форм протеста — все это сплачивает молодогвардейцев в морально непобедимый коллектив, вызывает в палачах ту злобу, которую рождает подлый страх, предчувствие неминуемого поражения и гибели.

С каждым часом растет жестокость врага, и с каждым часом растет сила сопротивления, моральное торжество заключенных, подкрепляемое тем, что уже бомбят Краснодар советские самолеты, уже слышна в тихие ночи отдаленная канонада.

Именно после первой бомбежки Краснодона наступил последний этап борьбы. «С этого дня в жизни молодогвардейцев в тюрьме произошел тот перелом, что они перестали скрывать свою принадлежность к организации и вступили в открытую борьбу с их мучителями. Они грубили им, издевались над ними, пели в камерах революционные песни, тащевали, буянили, когда из камер вытаскивали кого-нибудь на пытку.

И мучения, которым их подвергали теперь, были мучения, уже непредставимые человеческим сознанием, немислимые с точки зрения человеческого разума и совести».

Снова и снова возвращаясь к не только неизбежной, но и необходимой «перенаселенности» своего романа, А. Фадеев говорил:

«Я мог бы закончить роман патетически, дать ему пафосную или лирическую концовку, которая, возможно, оставила бы более глубокое впечатление. Но я, как видите, закапчиваю перечнем *всех* фамилий погибших участников «Молодой гвардии» потому, что чувствую внутреннюю обязанность хотя бы таким образом перечислить их всех — из уважения к их памяти. Это так и останется»¹.

Это так и осталось. А концовку к роману дописала сама жизнь. Каждое утро, созывая «угольное племя» Краснодона на работу, перекликаются гудками шахты имени Олега Кошевого, имени Сергея Тюленина, имени «Молодой гвардии».

¹ А. Фадеев, Собр. соч., т. 4, стр. 398

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В. Озеров, Александр Фадеев (творческий путь), «Советский писатель», М. 1964.

А. Бушмян, Роман А. Фадеева «Разгром», «Советский писатель». Л. 1954.

В. Перцов, Личность и новая дисциплина (в книге: «Писатель и новая действительность», «Советский писатель». М. 1961).

Б. Беляев, Александр Фадеев, Красноярское книжное изд-во, 1956.

«А. Фадеев, Письма к дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях», Владивосток, 1960.

А. Караваева, Александр Фадеев (в книге: «День вчерашний», «Советский писатель», М. 1964).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Понятое время	5
Подвиг и бессмертие	41
Краткий список литературы	95

*Евгения Федоровна
Книпович*

РОМАНЫ А. ФАДЕЕВА «РАЗГРОМ»
и «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Издание второе

Редактор *А. Коган*
Художественный редактор *Г. Масляненко*
Технический редактор *Е. Полонская*
Корректор *Н. Шкарбанова*

Сдано в набор 17/VII 1972 г. Подписано к печати 2/XI 1972 г.
A12253. Бумага типографская № 1. 84×108¹/₃₂. 3 печ. л. 5,04
усл. печ. л. 5 уч.-изд. л. Тираж 150 000 экз. Заказ № 3103.
Цена 22 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

**«МАССОВАЯ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНАЯ
БИБЛИОТЕКА»**

*Вышли в свет в
1971—1972 гг.:*

- Л. Аннинский.** «Как
закалялась сталь»
Н. Островского;
- И. Медведева.** «Горе
от ума» А. С. Грибое-
дова; Г. Макого-
ненко. «Евгений Оне-
гин» А. С. Пушкина.
- С. Бочаров.** «Война и
мир» Л. Н. Толстого;
- В. Кожин** в. «Преступ-
ление и наказание»
Ф. М. Достоевского;
- Д. Николаев.** «Исто-
рия одного города»
М. Е. Салтыкова-Щед-
рина

22 коп.

